

Фенимор КУПЕР

Зверобой

Кожаный Чулок

Джеймс Фенимор Купер

Зверобой

Издательство «РИМИС»

1841

Купер Д.

Зверобой / Д. Купер — Издательство «РИМИС»,
1841 — (Кожаный Чулок)

Роман «Зверобой» – первая книга пенталогии замечательного американского писателя, посвященной приключениям охотника Натаниэля Бумпо. В этом романе Купер обращается к юности героя. Двое смельчаков – Натти Бумпо по прозвищу Зверобой и Гэрри Марч по прозвищу Непоседа, – направляются к озеру Мерцающее зеркало. Один желает добиться взаимности девушки по имени Юдифь Гуттер, другой полон решимости помочь своему другу Чингачгуку вырвать его возлюбленную из рук племени гуронов. Здесь завязывается дружба Натти Бумпо с отважным могиканином Чингачгуком. Действие романа происходит в сороковые годы XVIII века.

© Купер Д., 1841

© Издательство «РИМИС», 1841

Содержание

Глава I	6
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	22
Глава V	29
Глава VI	35
Глава VII	40
Глава VIII	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Джеймс Фенимор Купер Зверобой

Текст воспроизводится по изданию: Купер Ф. Зверобой / Под ред. Н. Могучего. – М.: Земля и Фабрика, 1927. В оформлении книги использованы иллюстрации Г. Брока.

Глава I

В середине XVIII века обитаемые части нью-йоркской колонии ограничивались четырьмя приморскими графствами по обеим сторонам Гудзона, от устья до водопадов при его истоке, и еще несколькими соседними областями по берегам Могаука и Скогари. Широкие полосы девственной почвы простирались до самой Новой Англии; это были густые, непроходимые леса, в которых свободно мог укрываться туземный воин в своей бесшумной обуви из кожи дикого зверя { У индейцев эта обувь называлась: мокасины. (*Здесь и далее – прим. ред., если не указано иное.*) }. Вся страна к востоку от Миссисипи { *Миссисипи* – «отец вод» – важнейшая водная артерия Северной Америки. Длина этой реки около 4390 километров. Принимает в себя воды 19-ти важнейших притоков. Впадает в Мексиканский залив, к югу от Нового Орлеана. } представляла в ту пору обширное пространство лесов, окаймленных по краям весьма незначительной частью обработанной земли, пересекаемой блестящею поверхностью рек и озер.

Природа неизменна в своих законах. Время посева и жатвы чередуется с неизменной точностью. Столетиями знойное летнее солнце согревало вершины благородных дубов и вечно зеленых сосен этих девственных пустырей, как вдруг в глубине этого леса раздались голоса перекликавшихся людей. Был июньский день. Листья высоких деревьев омывались потоками света, отбрасывая длинную тень. Перекликались, очевидно, два человека, потерявшие дорогу. Наконец, один из них, пробираясь по лабиринтам густого кустарника по краю болота, вышел на поляну, образовавшуюся в лесу от опустошений бури и огня.

– Вот где можно отдохнуть! – громко вскричал он, видя над своей головой чистый свод неба. – Ура, Зверобой! Здесь светло, и мы недалеко от озера.

В это время появился и другой странник, который, продираясь через хворост, отодвигал руками сучья, цеплявшиеся за его платье.

– Знаешь ли ты это место? – спросил в свою очередь Зверобой. – Или ты просто кричишь от радости при виде солнца?

– Да, приятель, место знакомое, и я, сказать правду, радехонек, что наткнулся на солнечный луч. Теперь мы ухватились за все румбы компаса, и некого будет винить, если мы опять потеряем их из виду. Не будь я Скорый Гэрри, если не здесь делали привал в прошлом году охотники за землей { Так назывались колонисты, которые приискивали удобные места для своих поселений. }. Они провели здесь целую неделю. Видишь, вот остатки хвороста, который они палили, и я очень хорошо знаю тот ключ. Да, молодой человек, я люблю солнце, хотя и без его лучей отлично понимаю, что теперь двенадцать часов, минута в минуту. Мой желудок – превосходный и самый верный хронометр, которого не отыскать во всей колонии. Его стрелка указывает на полдень; стало быть, нам надо развязать котомку и завести часовой механизм еще часов на шесть.

Они оба принялись за необходимые приготовления к умеренному обеду, приправой к которому служил великолепный аппетит.

Тот из охотников, который назвал себя Скорым Гэрри, представлял собою образец мужественной красоты во всем ее благородном величии.

Его подлинное имя было Генрих Марч, но пограничные жители, следуя обыкновению индейцев прибавлять прозвища к собственным именам, называли его Скорым Гэрри, а иногда и просто Торопыгой, намекая этим на чрезвычайную порывистость его движений и беззаботность характера, какими он прославился на всей линии поселений, разбросанных между Нью-Йорком и Канадой. Физическая сила Скорого Гэрри вполне соответствовала его гигантскому росту. Черты его лица были правильны и красивы, и все его манеры, несколько грубые, как у всех колонистов, были, однако, проникнуты каким-то особенным изяществом, гармонизировавшим как нельзя лучше с его наружностью.

– Ура, Зверобой! Здесь светло, и мы недалеко от озера.

Другой характер и иная наружность отличали спутника Генриха Марча, которого он называл Зверобоем. Он был, сравнительно, щеделушен и тонок, хотя мускулы его обличали необыкновенную ловкость и проворство. Выражение его лица невольно располагало к нему наблюдателя. Это было наивное простосердечие, соединенное с твердостью воли и исключительной искренностью. С первого раза можно было даже подумать, что он нарочно прикидывается добряком и простаком, чтобы тем удобнее скрыть затаенный обман и плутовство. Но эти подозрения исчезали при первом же знакомстве с Зверобоем.

Оба товарища были еще молоды. Торопыге казалось на вид лет двадцать восемь; Зверобой имел не более двадцати пяти. Их костюм состоял из выделанных оленьих кож; таким образом оба спутника, по-видимому, принадлежали к числу людей, проводивших свою жизнь в дремучих лесах на рубеже возникающей цивилизации.

– Ну, Зверобой, теперь за дело! Докажи, что твой желудок работает мастерски, как и у всех этих делаваров {Делавары – индейское племя, совершенно вымершее к концу XIX века. К 1875 году в Соединенных Штатах оставалось их около сотни человек.}, среди которых ты был воспитан, – сказал Гэрри, отправляя в рот огромный кусок дичи, которого европейскому крестьянину хватило бы на целый обед. – Докажи, любезный... своими зубами докажи этой лани, что ты человек в полном смысле слова. Своим карабином ты уже доказал это отличнейшим образом.

– Не большая честь для человека хвастаться тем, что он врасплох убил бедную лань, – отвечал его скромный товарищ, принимаясь за обед. – Если бы это была пантера или дикая кошка, можно бы, пожалуй, и похвастаться. Делавары прозвали меня Зверобоем вовсе не за силу и храбрость, а единственно за верный глаз и проворство. Застрелить оленя, конечно, еще не значит быть трусом; но все же было бы безрассудством выдавать это за храбрость.

– Твои делавары, любезный, кажется, не большие храбрецы, – пробормотал сквозь зубы Скорый Гэрри, отправляя в рот новый солидный кусок мяса. – Эти праздношатающиеся минги {Под именем мингов Купер выводит целый ряд индейских племен.} скрутили их по рукам и ногам, как беззащитных овечек. Не так ли?

– Нет, вовсе не так, – с жаром возразил Зверобой. – Это дело надо понять хорошенько и не перетолковывать вкось и вкривь. Минги – самые вероломные, коварные дикари, и весь лес

наполнен их обманом и хитростью. Нет у них ни честного слова, ни верности своим договорам. А с делавами я прожил десять лет и очень хорошо знаю, что они умеют быть героями, когда нужно.

– Хорошо, Зверобой, если мы коснулись этого предмета, то будем говорить откровенно, по-человечески. Ты уже давно составил себе славу отличного охотника и прославился во всех лесах. Скажи мне: нападал ли ты когда-нибудь на человека и способен ли ты стрелять в неприятеля, который подчас не прочь сломить тебе шею?

– Скажу по совести, Гэрри, никогда я не имел поводов к убийству. Я жил между делавами в мирное время, а по моему мнению, преступно отнимать жизнь у человека, раз он с тобою не в открытой войне.

– Как! Разве тебе не случалось сталкиваться у своих капканов с каким-нибудь мошенником, который собирался украсть твои шкуры? В этом случае, я полагаю, ты бы разделался с ним сам, своими собственными руками: не тащить же его к судье и не заводить тяжбы, всегда соединенной с хлопотами и большими издержками.

– Я не расставляю ни капканов, ни сетей, – с достоинством отвечал охотник. – Я живу своим карабином и не боюсь с этим оружием никого в мире. Никому не предлагаю я звериной кожи без дыры на голове там, где природа устроила органы зрения или слуха.

– Звериная кожа совсем не то, что волосы с неприятельского черепа. Подкараулить где-нибудь и подстрелить какого-нибудь индейца значит действовать по тем же правилам, каких придерживается твой неприятель, когда ведет с тобой войну. По-моему, чем больше отправить на тот свет этих негодяев, тем веселее на душе и спокойнее совесть. Надеюсь, приятель, что если карабин твой умеет ладить только с четвероногими, то мы в будущем не так часто будем видаться с тобою.

– Наше путешествие, Гэрри, скоро окончится, и мы можем разойтись, если тебе угодно. Меня ждет друг, который не постыдится вести знакомство с человеком, не убившим никого из людей.

– Желал бы я знать, что завело сюда этого щепетильного делава? – бормотал Марч, не скрывая своего неудовольствия и недоверчивости. – В каком месте, говоришь ты, молодой начальник назначил тебе свидание?

– Возле небольшого утеса на краю озера, где, как меня уверяли, индейские племена имеют обыкновение заключать договоры и закапывать в землю свои боевые томагавки { *Томагавк* – боевой топор индейцев. }. Я часто слышал от делаваров об этом утесе, хотя еще ни разу не видел его. Об этой части озера все еще спорят между собой минги и делавары. В мирное время оба племени здесь ловят рыбу и охотятся за зверем, так что этот клочок составляет пока общую собственность.

– Общую собственность – вот оно как! – вскричал Скорый Гэрри, заливаясь громким смехом. – Желал бы я знать, что скажет на это Гуттер Том Плавучий, который пятнадцать лет сряду один владеет озером исключительно и нераздельно! Не думаю, что он охотно уступит его делаварам или мингам.

– А разве колонии будут смотреть хладнокровно на этот спор? Вся эта страна должна же составлять чью-нибудь неотъемлемую собственность. Ведь колонисты, по-видимому, не знают пределов для своей жадности и готовы захватить все места, какие только удастся.

– Ну, сюда, надеюсь, никогда не забредет нога колонистов. Им и не узнать об этом захолустье. Старик Том не раз мне говорил, что им в тысячу лет не разведать об этих местах, и я со своей стороны решительно убежден, что Том Плавучий никому на свете не уступит своего озера.

– По-твоему выходит, Гэрри, что старик Том решительно необыкновенный человек. Он, очевидно, не принадлежит ни к мингам, ни к делаварам, ни к бледнолицым, и захватил себе

один такое местечко, из-за которого готовы перессориться все племена. Кто же он, этот человек? Какой он породы?

– Объяснить породу старика Тома не так-то легко, да едва ли и найдешь среди людей племя, к которому его можно было бы отнести. Он скорее по своей породе смахивает на канадского бобра, чем на человека. Его манеры и все привычки точь-в-точь, как у бобра. Некоторые думают, будто в молодости он разгуливал по соленой воде с каким-то Киддом, которого лет тридцать тому назад вздернули на виселицу за морской разбой. По смерти Кидда он приютился здесь, в уверенности, что в этих местах никогда до него не доберутся королевские солдаты, и он спокойно сможет наслаждаться плодами своих грабежей.

– Это скверно, Гэрри, очень скверно. Никогда нельзя спокойно наслаждаться плодами грабежа.

– У всякого свой вкус и своя натура, любезный Зверобой. Что же касается старика Тома, то могу тебя заверить, что он совершенно счастлив и живет на славу вместе со своими дочерьми.

– Да, я знаю, что у него есть дочери. Между делаварами носился об этом слух. Есть у них мать?

– Была, разумеется; только вот уже два года, как она умерла и брошена в воду.

– Что ты сказал? – спросил Зверобой, с изумлением смотря на своего товарища.

– Умерла и брошена в воду. Кажется, ясно: я говорю не на тарабарском наречии. Старый проказник, распрощавшись с нею, как нежный супруг, похоронил свою жену в озере. Копать могилу, видишь ли ты, не ловко среди этих корней; а может быть, он сделал это из соображения, что вода чище смывает грешки с человеческого тела. Этого уж я точно не знаю.

– Стало быть, бедная женщина была слишком легкомысленна? – спросил Зверобой.

– Не думаю, чтобы чересчур, но, разумеется, грешки за ней водились. Впрочем, всего вероятнее, что старику просто лень было рыть могилу на сухой земле. В характере Юдифи было довольно стали; а ее муженек – настоящий кремь. Немудрено, стало быть, что огонек довольно часто вспыхивал между ними, хотя вообще они жили достаточно дружно и согласно. С своей стороны я всегда уважал Юдифь Гуттер, как мать прекрасной девушки, которая носит ее имя. Это я говорю о старшей дочери Тома, которую также зовут Юдифью.

Да, я слышал об этой девушке, хотя делавары по-своему произносили ее имя. Судя по их рассказам, я не думаю, чтоб Юдифь Гуттер могла мне понравиться.

– Тебе? Это очень забавно! – воскликнул Скорый Гэрри, покраснев в запальчивости от того равнодушия, с каким его товарищ отозвался о девушке. – Как ты смеешь соваться, когда идет речь о Юдифи Гуттер? Ты – молокосос, у которого не обсохло на губах молоко матери. Не беспокойся, любезный: Юдифь Гуттер не захочет и взглянуть на тебя.

– Вот что, Гэрри: теперь июнь, ни одно облачко не заслоняет от нас солнца, и горячиться бесполезно, – отвечал Зверобой спокойным тоном. – Я не советую тебе выходить из себя. У каждого свои мысли, и я надеюсь, что белка может думать о дикой кошке, что ей угодно.

– Разумеется, если только дикая кошка не проведает об этом. Впрочем, ты еще молод, легкомыслен, и я охотно тебе прощаю. К чему, в самом деле, нам ссориться из-за девушки, которой ты еще и не видал? Смешно было бы считать соперником какого-нибудь молокососа... А кстати, что говорили о ней делавары?

– Они хвалили ее ум и красоту, но прибавляли, что она ветрена и любит окружать себя поклонниками.

– Ах, черт бы их побрал! Да они нарисовали тебе самый верный портрет Юдифи Гуттер! Сказать правду, Зверобой, если бы не эта ветреность, быть бы ей моей женою года два назад. Была, впрочем, и еще причина, почему я не женился...

– Какая, например? – спросил охотник с видом человека, которого мало интересует этот разговор.

– Я в то время не был уверен, любит ли она меня. Плутовка слишком хороша и знает себе цену. Не растут на этих горах деревья стройнее ее стана, и ты не увидишь серны, которая прыгала бы с такою легкостью. Но при всем этом ее недостатки слишком резко бросаются в глаза. Было время, я клялся никогда не видеть этого озера.

– И вот ты опять идешь к нему?

– Ах, Зверобой, ты еще новичок в этих делах, и трудно тебе растолковать, на что бывает похож человек, когда любовь овладевает его сердцем. Если бы ты знал Юдифь, как я ее знаю! По временам наезжают на это озеро для рыбной ловли крепостные офицеры с берегов Могаука, и вот тогда-то кокетка теряет свою голову. Она рядится, как кукла, и всем в ту пору делает кокетливые глазки.

– Дочь бедного отца должна понимать свое положение, – простодушно заметил Зверобой. – Я уверен, что ни один из офицеров, ухаживая за Юдифью, не имеет честных намерений.

– Вот это-то меня и бесит.

– Зачем же ты о ней думаешь, Генрих Марч? На твоём месте я давно бы убежал в лес от такой женщины.

– Советовать легко, приятель, но не так-то легко выполнять советы, коль скоро дело идет о Юдифи. Признаться, я подумывал увезти ее насильно и жениться на берегу Могаука в какой-нибудь труппе, куда, авось, не попал бы ни один из этих офицеров. У старика Тома осталась бы еще дочка, не красавица, правда, и не очень умная, но зато примерная смиренница.

– Есть, стало быть, еще другая птичка в этом гнезде? Вот что! Делава-ры, однако, говорили только о Юдифи.

– Немудрено. Подле красавицы Юдифи Гэтти стушевывается. Впрочем, по-моему, и Гэтти довольно мила; только, что касается ума, – бедняжка не совсем хорошо умеет отличать правую сторону от левой.

– Краснокожие особенно уважают таких слабых умом людей: они думают, что «злой дух» не может поселиться в них, – заметил Зверобой.

– Ну, «злому духу» не о чем хлопотать возле бедной Гэтти. Старик отец и умная сестра не спускают с нее глаз... Одним словом, я был бы в отчаянии, если бы теперь, после шестимесячного отсутствия, нашел, что Юдифь угораздило выйти замуж.

– А разве она подала тебе какие-нибудь надежды?

– В том-то и дело, что нет. Не знаю, право, как все это выходит. я, видишь ли, недурен, и в этом уверяет меня каждый ручей, освещаемый солнечным лучом, а между тем я никак не мог от нее добиться ни обещания, ни даже ласковой улыбки, хотя иной раз она без умолку хохотала по целым часам. Ну, да что тут толковать? Если Юдифь Гуттер осмелилась выйти замуж – быть ей премилой вдовушкой на двадцатом году своей жизни.

– Неужели, Гэрри, ты решишься погубить человека единственно за то, что его предпочли тебе?

– Почему же нет? Если враг загородил мне дорогу, я имею право раздавить его, как мне угодно. Всмотрись в меня хорошенько: разве я похож на человека, способного подставить свою шею какому-нибудь вкрадчивому торгашу, который задумает перебить у меня красавицу? Нет, слуга покорный, это было бы из рук вон! Притом, за отсутствием законов, мы сами поневоле и судьи, и палачи. Пусть, пожалуй, отыщут в лесу мертвое тело. Кому охота идти в колонию с доносом на убийцу?

– Мне, например. Ведь я же буду знать, что ты намеревался спровадить мужа Юдифи?

– Как? Ты осмелишься донести на Скорого Гэрри, ты, низкая тварь, получеловек, полуобезьяна?

– Я готов сказать правду о всяком человеке, кто бы и где бы он ни был.

С минуту Генрих Марч смотрел на своего товарища с безмолвным изумлением. Потом, схватив его обеими руками за плечи, начал трясти охотника с такой ужасной силой, как будто хотел уничтожить его. Зверобой не оробел, и ни одна черта его спокойного и ясного лица не дрогнула. Напротив, он проговорил твердым и решительным голосом:

– Можешь трясти гору сколько угодно, если хватит сил; но тебе, кроме правды, ничего не вытрясти из меня, Генрих Марч. Очень вероятно, что Юдифь еще не замужем, но если, сверх ожидания, есть у нее муж, я воспользуюсь первым же случаем, чтобы передать ему наш разговор.

Взглянув на своего товарища еще с большим изумлением, Скорый Гэрри произнес:

– Я думал, что мы приятели; теперь вижу, что жестоко ошибался. Это мой последний секрет, залетевший в твое ухо. Знай это, Зверобой!

– Очень рад. Не хочу слышать секретов, если под ними скрывается преступление. Если мы легко можем избежать преследования законов, это не оправдание.

– Какой же ты после этого свободный лесной охотник, гроза и смерть лютых зверей? Лучше бы тебе удалиться к моравским братьям{Религиозная секта.} и копать гряды подле своего дома.

– Я уверен, Гэрри, что в моих поступках и словах ты всегда найдешь только прямоту и откровенность. В твоей безрассудной запальчивости я вижу лишь доказательство того, как мало тебе приходилось жить среди краснокожих. Юдифь Гуттер, без сомнения, еще не вышла замуж, а язык твой, очевидно, в разладе с твоим сердцем. Бросим толковать об этом, и вот тебе моя рука.

Гэрри, казалось, был изумлен как нельзя больше. Принимая мало-помалу веселый и беззаботный вид, он расхохотался до того, что слезы выступили у него на глазах. Потом он взял протянутую руку, и их дружба снова была восстановлена.

– Твоя правда, Зверобой, безрассудно нам ссориться из-за того, что пока остается в пределах догадок. Ведь мы не горожане, черт побери, а вольные люди свободных лесов. В городах совсем другое дело; там иной раз дерутся из-за мыслей.

– Слышал об этом и я, Генрих Марч. Во всяком случае, мне гораздо приятнее видеть бедную Гэтти, чем эту ветреную красавицу Юдифь.

– Послушай, Зверобой, ты знаешь вообще, что такое охотники, трапперы и бродяги – продавцы кож. И все же я убежден, что во всей этой стране не найдется человека, который бы нанес какое-нибудь оскорбление Гэтти Гуттер.

– Мне очень приятно, Гэрри, что ты отдаешь справедливость делаварам и другим союзным племенам. Краснокожий, действительно, всегда готов принять под свое особое покровительство слабое, лишенное умственных способностей существо... Но уже солнце идет к западу. Не пора ли нам продолжать путь, чтобы поскорее увидеть этих сестер?

Товарищи собрали остатки обеда, вскинули котомки на свои плечи и, оставив поляну, снова углубились в тень густых деревьев.

Глава II

Отыскав поляну и ручей, Скорый Гэрри уже отлично различал далее дорогу и вел своего товарища с уверенностью человека, привыкшего к этим местам. Лес, разумеется, здесь, как и везде, был очень густой, но его не загромождали груды хвороста, и по ровной почве его можно было идти ускоренным шагом. Когда они прошли около мили, Марч остановился и начал с озабоченным видом рассматривать окружающие предметы. Его интересовали даже пни свалившихся деревьев.

– Кажется, мы пришли, куда надо, – заметил он. – Вот бук, здесь дуб, а немного подальше – три сосны и береза с надломленной вершиной. Но все же я не вижу ни утеса, ни сломанных ветвей, о которых говорил тебе.

– Сломанные ветви не совсем еще верный признак, Гэрри Марч. Бывает, и очень часто, ветви переламливаются сами собой. Что же касается буков, сосен и дубов, то около нас сотни этих деревьев.

– Твоя правда, Зверобой, но ты не берешь в расчет этой местности. Я говорю вот об этом буке и дубе...

– А вот, если хочешь, другой бук и другой дуб: видишь, они растут словно братья. Немного подальше опять точно такая же пара деревьев. Ты, без сомнения, отлично ловишь медведей и бобров, но я не думаю, Гэрри, чтобы ты был большой мастер отыскивать скрытые следы. Ну да, так и есть: я вижу теперь, чего ты ищешь.

– Полно городить вздор, хвастливый делавар. Меня хоть сейчас на виселицу, я не вижу ничего в этом лесном лабиринте.

– Смотри вон туда, по прямой линии от этого черного дуба. Видишь ли тот молодой, немножко согнутый бук, прикрепленный ветвями к соседнему дубу? Он не мог так прицепиться сам, и, разумеется, эту услугу оказал ему человек.

– Моя рука оказала ему эту услугу! – вскричал Гэрри. – Это молодое дерево в ту пору пригнулось к земле как бы под бременем несчастий. Я его выпрямил и поставил в это положение. Да, Зверобой, надо сознаться, ты мастерски разгадываешь деревья.

– Мое зрение обостряется, это правда; но все же в этом отношении я не больше, не меньше как ребенок в сравнении с любым из краснокожих. Вот, например, Таменунд{Легендарный вождь, патриарх племени делаваров.} уже старик, и никто не помнит его молодым, а между тем ничто не может ускользнуть от его глаз. Ункас, отец Чингачгук, законного вождя могикан, – другой ясновидящий старец, от которого не укроется и пылинка. Да, мое зрение обостряется, – повторил Зверобой, – но еще не скоро наступит время, когда оно сделается совершенным.

– Кто этот Чингачгук, о котором ты так часто говоришь? – спросил Гэрри, продолжая путь по указанному направлению. – Какой-нибудь краснокожий бродяга? Я уверен в этом.

– Это самый честный краснокожий бродяга, если тебе нравится это имя. При благоприятных обстоятельствах он мог бы сделаться великим вождем племени. Теперь, когда его лишили законных прав, он не более, как делавар – честный, благородный, умный делавар, всеми уважаемый и любимый, потомок несчастного рода и представитель почти уничтоженного племени. Ах, Гэрри, твое сердце надорвалось бы от жалости, если бы ты слышал, как эти несчастные в своих вигвамах рассказывают о могуществе и величии могикан.

– Послушай, друг Натаниэль, – сказал Гэрри, остановившись на дороге и пристально всматриваясь в лицо своего товарища, чтобы придать больше важности своим словам, – если верить всем басням, какие распространяют о себе другие люди, то выйдет на проверку, что все другие – славные герои, и только мы с тобой никуда не годимся. Все краснокожие, я знаю, отчаянные хвастуны, и половина их преданий, поверь мне, сущий вздор.

– В этом есть частица правды, я согласен. Краснокожие любят похвастать, и природа дала им к этому особую склонность. Смотри, мы пришли к тому месту, которое ты искал.

Это замечание прервало разговор. Зверобой указал своему товарищу на ствол огромной липы, отжившей свой продолжительный век и свалившейся на землю от собственной тяжести. Это дерево, как миллионы подобных, лежало там, где упало, и под медленным, но верным влиянием окружающей атмосферы подвергалось гниению, которое опустошило его внутренность еще в ту пору, когда оно стояло на корнях во всей своей красоте и гордом величии. Ствол занимал пространство около сотни футов, и опытный глаз охотников сейчас же узнал в нем то самое дерево, о котором говорил Скорый Гэрри.

– Да, здесь у нас все, что нужно! – вскричал Гэрри, осматривая дерево у корня. – Все здесь сохранено в такой же целости, как в сундуке скупой старухи. Давай руку, Зверобой, и через полчаса мы будем на воде.

Охотник подошел к своему товарищу, и оба они принялись за работу, как люди, привыкшие к занятиям этого рода. Сперва Гэрри сбросил большие куски толстой коры, прикрывавшие огромное дупло дерева, потом оба они вытащили оттуда каноэ { Легкая индейская лодка. }, выделанную из коры и снабженную скамьями, веслами, рыболовными сетями, вообще всем, что нужно для рыбной ловли. Каноэ была довольно велика, но до того легка, что Марч свободно поднял ее с земли и взвалил себе на плечо.

– Ступай вперед, Зверобой, и раздвигай кусты. С остальным управлюсь я один.

Они поспешно тронулись с места. Зверобой пролагал дорогу и брал вправо или влево, как указывал товарищ. Минут через десять они вдруг очутились под палящими лучами солнца, на маленькой песчаной площадке, омываемой с одной стороны водами озера. Отсюда открывался оригинальный, в полном смысле этого слова, вид, и Зверобой не мог удержаться от восклицания, когда перед ним неожиданно открылась великолепная картина. Почти в уровень с площадкой, на которой они стояли, лежало пространство тихой и прозрачной воды, мили на три в длину и на полмили в ширину. К югу от этого места озеро суживалось почти наполовину. Его берега были неправильны и неровны, представляя с одной стороны небольшие мысы, вдававшиеся в озеро, с другой – изгибаясь маленькими бухтами. На севере озеро примыкало к горе, имевшей по обе стороны пологие и ровные скаты. Общий характер местности был гористый.

Кругом царили тишина и какой-то торжественный покой. Везде и со всех сторон виднелись только поверхность озера, гладкого, как стекло, чистое небо и бесконечная перспектива густого леса с богатою растительностью. Вся видимая поверхность земли, от округленных горных вершин до конца озера, была покрыта роскошной зеленью. Ничего не изменила здесь рука человека. Вся картина была делом одной природы.

– Прекрасный вид, очаровательный вид! – воскликнул Натаниэль, опираясь на свой карабин и оглядываясь по всем направлениям направо и налево, на север и на юг. – Краснокожие, как я вижу, не дотронулись здесь ни до одного дерева. Гэрри Марч, твоя Юдифь, должно быть, умная и рассудительная девушка, если она провела половину своей жизни в этом очаровательном месте.

– Она умна, это правда, но прихотлива и своенравна. Впрочем, она не всегда проживала здесь со своим отцом. Старик Том до моего с ним знакомства обыкновенно переселялся на зимнее время в пограничные области, возле крепостей, откуда можно было слышать пушечную пальбу. Там-то Юдифь и познакомилась с ветреными офицерами.

– Но, во всяком случае, Гэрри, это место может иметь благотворное влияние на ее характер, как бы он ни был испорчен. Но что это прямо перед нами, посреди воды? Это не то остров, не то барка?

– Крепостные офицеры называют это Замком Канадского Бобра, и сам Том Плавучий не возражает против этого названия. Это его постоянный, оседлый дом, потому что, надо тебе сказать, у него два дома: один никогда не перемещает места – вот он перед тобою; другой,

напротив, плавает по воде и появляется попеременно в различных частях озера. Этот последний дом он называет «ковчегом».

– Видишь ты этот «ковчег»?

– Нет. Он теперь, я полагаю, на южной стороне или укрылся на якоре в какой-нибудь бухте. Наша каное готова, и минут в пятнадцать мы можем доплыть до Замка Канадского Бобра.

Уложив котомки, оружие и всю свою провизию, они сели в лодку и одним ударом весла оттолкнули ее от берега на несколько сажений. Быстро понесся легкий челнок по ровной поверхности прозрачной воды, и через несколько минут Зверобой уже ясно мог видеть странное здание старика Тома.

Замок Канадского Бобра красовался на озере в расстоянии, по крайней мере, четверти мили от ближайшего берега. Натаниэль с изумлением заметил, что в этом месте не было ни малейших следов острова: «замок» был построен на сваях, вокруг которых виднелась вода, достигавшая, казалось, значительной глубины. Но Гэрри объяснил, что в этом, и только в этом, месте была длинная и узкая отмель, идущая от севера к югу на несколько сотен ярдов.

– Нужно тебе сказать, Натаниэль, – продолжал Гэрри, – что индейцы и охотники три раза сжигали дом на суше старика Тома, и в одной из перепалок с краснокожими он потерял своего единственного сына. С того времени он должен был перебраться на воду, и, по-моему, сделал отлично. Здесь он совершенно в безопасности и может, если не ошибаюсь, устоять против самого сильного нападения. У него нет недостатка ни в порохе, ни в оружии всякого рода, да и замок построен так, что ему нечего бояться свинцовых орехов.

Натаниэль, получивший от колонистов некоторые понятия о военном искусстве, видел ясно, что его товарищ не преувеличивал. В самом деле, замок был построен так, что в случае атаки все выгоды были на стороне осажденных, а все неудобства – на стороне осаждающих, которых буквально можно было засыпать пулями.

– Ты, любезный Гэрри, как я вижу, превосходно знаешь всю историю этого замка, – сказал Натаниэль, когда его товарищ начал описывать все подробности устройства жилья Тома Плавучего. – Неужели любовь так сильна, что мужчина охотно изучает даже историю дома, где живет его возлюбленная?

– Если я знаю все, Натаниэль, мудреного в этом нет ничего. Тут было много народу в то время, когда старик Том соорудил свой замок, и мы усердно помогали ему при постройке. Я вынес на своих плечах значительную часть толстых бревен и могу тебя уверить, что на этом берегу все лето раздавались дружные удары топоров. Старик не скупился и каждый день вдоволь угощал нас дичью. Мы в свою очередь не торопились со своими кожами в Альбани и отстроили ему дом на славу. Гэтти глупа, скрыть этого нельзя, но она приготавливала нам отличные обеды, и я в ту пору повеселился на свой пай за гостеприимным столом старого Тома.

Оба охотника подплыли почти к самому замку. На лицевой его стороне была расположена дощатая платформа в двадцать квадратных футов.

– Старик Том называет эту набережную своим двором, – сказал Гэрри, привязывая челнок. – Крепостные офицеры в свою очередь называют ее двором замка. Я не понимаю, впрочем, какой это двор, если в нем нет никаких заповор. Ну, вот, я так и думал: нет ни души. Вероятно, вся семья отправилась на поиски.

В то время как Гэрри рассматривал на площадке багры, снасти, удочки, сети и другие принадлежности рыболовства, Натаниэль поспешил войти в дом и смотрел на все предметы с любопытством, не свойственным человеку, который так давно освоился со всеми привычками индейцев. Все было чисто и опрятно внутри замка, разделенного на несколько маленьких комнат. Самая большая и первая при входе служила в одно и то же время кухней, столовой, гостиной и залой. Мебель была вообще груба, самой простой, незатейливой работы. Впрочем, тут были довольно хорошие стенные часы, стол, два-три стула и прекрасное бюро, взятое,

вероятно, из дома, имевшего большие претензии на изящный вкус. Маятник часов качался исправно, и стрелка указывала на одиннадцать, тогда как, судя по солнцу, было гораздо позже. В углу стоял большой кованый сундук. Столовая посуда была незатейлива, но расположена в образцовом порядке.

Осмотрев эту комнату, Натаниэль приподнял деревянную задвижку и вошел в узкий коридор, разделявший заднюю часть дома на две неравные половины. Отворив первую дверь, попавшуюся на глаза, он очутился в спальне, и при одном взгляде на нее убедился, что это была комната двух женщин. Возле постели на вколотенных гвоздях висели различные принадлежности женского туалета. Здесь, между прочим, были хорошенькие башмаки с серебряными пряжками, какие носили лишь зажиточные женщины, и несколько разноцветных вееров. На самом видном месте висели: шляпка, кокетливо убранный лентами, и женские длинные перчатки, которые в ту пору составляли предмет роскоши даже для богатых дам.

Замок Канадского Бобра красовался на озере...

Все это Натаниэль осматривал с напряженным вниманием. Уже давно не был он в комнатах женщин, и в его душе пробудились воспоминания детства. Он думал о своей матери, отличавшейся в своих нарядах такою же простотою, как Гэтти Гуттер, и о сестре, любившей щеголять туалетом так же, как Юдифь Гуттер. Долго пробыл он в этой комнате, погруженный в размышления о невозвратных временах детства, и медленными шагами вышел на платформу, где оставил своего товарища.

– Старик Том, как я вижу, промышляет нынче и бобрами, – сказал Гэрри, отыскавший на площадке несколько капканов для ловли этих зверей. – Если тебе вздумается здесь погостить, мы можем весело провести время. Том и я будем доказывать бобрам свою злость и хитрость, а ты станешь ловить рыбу и стрелять дичь. Не так ли, Натаниэль?

– Очень рад, любезный друг; но должен сказать, что при случае, пожалуй, и я не прочь от ловли бобров. Правда, делавары прозвали меня Зверобоем и Непромахом исключительно за то, что я метко стреляю в оленей; но я надеюсь, что рука моя не дрогнет, если придется иметь дело и с другими зверями. А кстати: губернатор или королевские агенты дали какое-нибудь имя этому озеру?

– Пока никакого. Последний раз, когда я продавал кожи, один из этих господ вздумал было меня расспрашивать, да только проведаль не слишком много. Он слышал, что есть тут где-то озеро. Я со своей стороны нагородил ему, что вода здесь самая мутная и что тысячу раз успеешь завязнуть по горло в трясинах, прежде чем доберешься до этого места. Он мне

показывал даже карту, и там отмечено, действительно, озеро на таком пункте, который должен отстоять отсюда, по крайней мере, на пятьдесят миль. Разумеется, я не считал нужным выводить его из этого приятного заблуждения.

Рассказывая, Гэрри хохотал от всего сердца и, очевидно, был в восторге, что так мастерски одурачил королевского агента.

– Я очень рад, – сказал Натаниэль, – что бледнолицые не успели еще окрестить никаким именем все эти места, потому что эти крестины у них всегда предшествуют самым беспощадным опустошениям. Краснокожие, однако, должны как-нибудь называть это место, и я уверен, что они приискали характерное имя для этих окрестностей.

– Ну, что касается диких племен, то, вероятно, каждое из них по-своему коверкает на своем языке все предметы на свете. Мы, в свою очередь, называем озеро просто Глиммерглас (сверкающее стекло), так как, ты видишь, на его поверхности чудесно отражаются все эти сосны. Надо думать, что на дне его бьет множество ключей, из которых, пожалуй, могут образоваться целые реки.

– Я хорошо знаю, что отсюда вытекает река, и мне говорили, что утес, возле которого я должен встретиться с Чингачгуком, находится у реки. Не дала ли ей колония какого-нибудь имени?

– Колония в этом отношении имеет преимущество над нами, потому что она владеет самой большей частью этой реки. Имя, которым жители колонии окрестили ее, распространяется до самого истока, потому что названия рек, естественно, всегда распространяются против течения. Я не сомневаюсь, Натаниэль, что ты в стране делаваров непременно должен был видеть Сосквеганну { *Сосквеганна (Саскуиханна)* – река общим протяжением около 720 километров – образуется из соединения Восточной и Западной Сосквеганны и впадает в Чизепикскую бухту в Атлантическом океане. }.

– Я сотню раз охотился на ее берегах.

– Вот это и есть та самая река, о которой ты говоришь. Мне очень приятно, что для нее сохранили то название, какое первоначально дали ей краснокожие. Будет и того, что у них отбирают земли: имена могут оставаться.

Натаниэль не отвечал и, опершись на карабин, рассматривал очаровательную картину, расстилавшуюся перед его глазами. Вид озера в самом деле был великолепен, и сейчас оно блистало всей своей красотой. Его гладкая, как стекло, поверхность была прозрачна, как самый чистый воздух, и отражала горы, заросшие темными соснами и густой зеленой травой, покрывавшей склоны. Все было полно глубокого покоя, еще не возмущенного властной рукою человека. Здесь было неприкосновенное царство природы, и все способно было наполнить неизъяснимым восторгом человеческую душу, проникнутую сознанием истинной красоты беспредельного мира. Натаниэль, сам того не зная, был душою поэт. Он находил мощное наслаждение в изучении великой книги красот и многообразных форм, сокрытых в непроницаемой глубине лесов, и не мог оставаться равнодушным к великолепию подобного ландшафта. Его душа наполнялась тем поэтическим восторгом, которое может родить лишь безграничное спокойствие природы.

Глава III

Скорый Гэрри думал больше о Юдифи Гуттер, чем о красотах Глиммергласа и о ландшафте, окружавшем это озеро. Осмотрев все, что лежало на платформе, он опять подошел к лодке и пригласил своего товарища отыскать на озере семейство Гуттера. Но перед этим он вооружился находившейся между его вещами подзорной трубой и тщательно осмотрел всю северную часть озера, особенно мысы и бухты.

– Я думал, – сказал Гэрри, – что старик Том отправился отсюда на север, оставив свой замок на произвол судьбы. Но так как теперь ясно, что его нет на северной стороне, то мы поедем на юг. Авось, отыщем в какой-нибудь норе.

– А разве он считал нужным выкопать себе какое-нибудь логовище на берегу этого озера? – спросил Натаниэль, усаживаясь в каноэ. – Мне кажется, что в этом уединении спокойно можно предаваться своим мыслям, не опасаясь нечаянных нападений.

– Ты забываешь, Натаниэль, про мингов и разных других дикарей, союзных французам. Разве найдешь где-нибудь клочок земли, куда бы не забрались эти гончие собаки?

– Конечно, я слышал про них много дурного, но почему же они гончие собаки?

– Как же назвать их иначе? Если слушать тебя, то выходит, что твои делавары чуть ли не совершенство, тогда как, по-моему, и делавары и минги хуже всякой дряни. Но вот в чем штука: люди на земле бывают трех цветов: белые, черные и красные. Белый цвет, разумеется, самый лучший, а следовательно, и белый человек лучше других людей. Затем следует человек черный: он может жить возле белого, принося ему удовольствие и пользу. Но красный человек никуда не годится, и, по-моему, очень глупо индейца называть человеком.

– А по-моему, Гэрри, все люди сходны между собою...

– Сходны? Это ловко. Неужто ты думаешь, что негр похож на белого, или я, например, похож сколько-нибудь на краснокожего?

– Все люди имеют одни и те же чувства, хотя я и не отвергаю, что каждое племя отличается особенностями. Впрочем, перестанем толковать об этом. Каждый может думать, что ему угодно. Смотри, как бы нам не проглядеть старика Тома. Может быть, он скрывается где-нибудь среди этих густых листьев.

Чего боялся Натаниэль, то легко могло случиться. По всему берегу озера, в том месте, куда он указывал, мелкие деревья совершенно заслоняли своими ветвями берега, которые по большей части были довольно круты. Охотники плыли быстро: при колоссальной силе Скорого Гэрри каноэ летела, как перо, а Зверобой управлял ею с необыкновенною ловкостью. Всякий раз, как они проезжали около мыса, Гэрри бросал взгляд на бухту, надеясь увидеть ковчег, стоящий на якоре или у берега. Но надежды его не сбывались, а между тем они проехали больше двух миль, и замок уже совершенно скрылся из виду. Наконец, Гэрри бросил весла и недоумевал, в какую сторону им направить дальнейшие поиски.

– Неужели старик Том вздумал подняться вверх по реке? – сказал он, тщательно осмотрев восточный берег, который можно было видеть беспрепятственно на всем его протяжении. – Должно быть, он чересчур увлекся своим новым ремеслом! Делать нечего, поедем и мы по реке. Только вначале будет дьявольски трудно пробираться сквозь листья и сучья.

– Да где ж эта река, Гэрри? – с изумлением спросил Натаниэль. – Ни на берегу, ни между деревьями я решительно не вижу нигде прохода, через который могла бы вытекать из озера Соскеганна!..

– Вот в том-то и штука, что все реки похожи на людей, которые появляются на свет, скорчившись в комочек, а уже потом развиваются у них огромные головы и широкие плечи. Ты не видишь реки потому, что она проходит между высокими и крутыми берегами, и деревья

покрывают ее воды, словно кровля какой-нибудь дом. Если старик Том не укрылся в бухте, значит, его надо искать на реке. Но заглянем сперва в бухту.

Они снова взяли за весла, и Гэрри объяснил товарищу, что недалеко от них находится очень мелкая бухта, образовавшаяся возле длинного мыса. Ее называли бобровой бухтой, потому что в ней водилось множество канадских бобров. Здесь довольно часто старик Гуттер останавливался со своим ковчегом, который совершенно скрывался в этом месте.

– Заранее, разумеется, нельзя знать, какие гости могут нахлынуть в эту сторону, – продолжал Гэрри, размахивая веслом, – и потому неплохо приютиться в таком месте, откуда можно их видеть издали. Эта предосторожность особенно необходима теперь, в военное время, когда какой-нибудь минг может свалиться тебе, как снег на голову. Но у старика Тома отличное чутье, и его мудрено застигнуть врасплох.

– Замок виден со всех сторон, и я полагаю, что старик Гуттер легко наживет врагов, если озеро делается известным.

– Твоя правда, Натаниэль: неприятеля нажать всегда легче, чем какого-нибудь друга. Страшно подумать, сколько есть средств и способов наклепать врагов на свою шею. Одни готовы выколоть тебе глаза единственно за то, что ты не разделяешь их образа мыслей; другие выкапывают из земли секиру, когда видят, что ты слишком далеко ушел от них вперед. Я знал одного сумасброда, который поссорился с своим другом единственно за то, что тот не признавал его красавцем. Вот, например, о тебе, Натаниэль, никак нельзя сказать, чтобы ты был красавец первого сорта. Однако, само собою разумеется, ты не сделаешься моим врагом, если я скажу тебе это в глаза.

– Я не желаю быть ни лучше, ни хуже того, каким меня создала природа. Может быть, мое лицо действительно не отличается красивыми чертами, как представляют их себе тщеславные и легкомысленные люди; но все же я не урод, и, надеюсь, найдутся люди, которые отдадут должное и мне.

Гэрри разразился громким смехом.

– Нет, нет, любезный Натаниэль, – сказал он, – ты отличный стрелок, с чем тебя и поздравляю, но глупо тебе считать себя красавцем. Юдифь, пожалуй, скажет это тебе сама, если ты вздумаешь разговаривать с ней об этих вещах. Поэтому предупреждаю тебя, что во всех наших колониях нет девушки легкомысленнее и острее Юдифи. Всего лучше тебе и не сталкиваться с ней. Вот сестрица ее, Гэтти, совсем другое: можешь говорить с нею сколько угодно, и она будет слушать тебя с кротостью овечки. Впрочем, весьма вероятно, что и Юдифь не выскажется вполне откровенно о твоей наружности.

– Каково бы ни было ее мнение, Гэрри, она не может сказать больше того, что я уже слышу от тебя.

– Я уверен, Натаниэль, что ты не вздумаешь обижаться на мои замечания.

– Не скрою, мне иногда хотелось быть красавцем, – проговорил Зверобой, – но это желание исчезало, когда я представлял себе, что многие люди при счастливой наружности не отличаются внутренними качествами. Притом мне приходило в голову, что есть на свете тысячи людей гораздо несчастнее меня. Ведь я мог родиться хромым, слепым, глухим, – вот тогда были бы для меня основательные причины жаловаться на судьбу.

– Ты прав, Натаниэль! Извини меня, и забудем этот разговор. Если твоя наружность не отличается прекрасными чертами, зато всякий при одном взгляде видит яснее солнца, что в твоей душе нет ничего безобразного. Юдифь, само собою разумеется, не обратит никакого внимания на твое лицо; зато сестрица ее, Гэтти, поверь мне, будет на тебя смотреть с большим удовольствием. Впрочем, какое тебе дело до Юдифи? Она ветрена, тщеславна, и у нее целые толпы обожателей. Не в твоем характере любить такую девушку. Мне приходило в голову, что плутовка любит себя до безумия, – больше, пожалуй, чем другой может полюбить ее.

– Что же тут мудреного, Гэрри? Юдифь в этом случае поступает так, как и большая часть хороших женщин. Я знал многих, даже делаварок, влюбленных в свою красоту; о них, стало быть, можно сказать то же, что о Юдифи. Но вот мы почти проехали длинный мыс, о котором ты говорил: бухта бобров должна быть около этого места.

Этот мыс, выдвигающийся в озеро на четверть мили, описывал правильный параллельный берегу полукруг и образовывал в этом месте глубокую губу, которою оканчивалось озеро с южной стороны. Старик Гуттер мог как нельзя лучше спрятаться здесь со своим плавучим домом, и Гэрри надеялся, что они, наверное, отыщут его в этой бухте.

– Вот сейчас увидим и ковчег, – сказал Гэрри, направляя каноэ туда, где вода была глубже. – Том, без сомнения, запрятался в тростник, и мы через несколько минут отыщем его в этом гнезде.

Напрасная надежда! Легкий челнок был уже на самой середине бухты, а между тем даже вооруженным глазом нельзя было разглядеть ничего похожего на лодку. Они углубились в тростник, и каноэ почти закрылась ветвями деревьев, образовавших над нею свод. Охотники плыли без всякого шума, соблюдая величайшую осторожность в своих движениях, и челнок скользил как будто по ровной и гладкой поверхности. Вдруг им послышался треск сухих ветвей на узкой полосе земли, отделявшей озеро от этой губы. Они вздрогнули и в одно мгновение схватились за ружья, которые всегда были у них под рукою.

– Ступившая на эту ветвь нога не может принадлежать легкому животному, – сказал Гэрри тихим голосом. – Этот шум произведен ногою человека.

– Нет, нет, – отвечал Натаниэль таким же тоном. – Эта походка все же слишком легка для человека, хотя в то же время она тяжела для маленького зверя. Причалим к берегу, и я выскочу на землю. Будь это минг или бобр, я отрежу ему дорогу.

Медленно и осторожно Зверобой углубился в густой кустарник и, насторожившись, снова услышал такой же треск сухой ветви. Теперь он не сомневался, что какое-то животное пробирается на оконечность мыса. Гэрри также слышал эти звуки и, отчалив от берега, терпеливо ожидал, что будет. Через минуту он увидел, как легкая лань, пробравшись из-за кустарника, медленно подошла к песчаной оконечности мыса и начала утолять жажду студеною водою озера. После минутного колебания Гэрри приподнял ружье, прицелился и выстрелил. Несколько секунд после выстрела длилось глухое молчание, но когда, наконец, звук перелетел через озеро и достиг утесов и гор, покрывавших другой берег, громкое эхо раскатисто огласило пространство беспредельного леса. При ружейном выстреле, сопровождавшемся свистом пули, лань только встряхнула головой и не двинулась с места: в первый раз ей приходилось, по-видимому, иметь дело с человеком. Но перебаты громкого эхо пробудили ее недоверчивость, и она стремительно бросилась в воду, чтобы переплыть на противоположный край. Гэрри испустил пронзительный крик и погнался на своем челноке за плывущим животным. Две или три минуты вода пенилась между охотником и ланью, и когда Гэрри готов был сделать последнее усилие, чтобы настичь свою жертву, Натаниэль появился на берегу и подал знак воротиться.

– Зачем безрассудно гоняться за бедным животным, когда оно не сделало тебе никакого вреда? – сказал Натаниэль, подавляя внутреннюю досаду. – Вместо того, чтобы стрелять без всякой нужды, мы должны были прежде всего поблагодарить судьбу, что сами не наткнулись на скрытого врага.

– Как это я промахнулся, черт побери! – вскричал Торопыга, разводя руками. – Таких промахов я не делал и мальчиком пятнадцати лет.

– Не о чем жалеть, любезный друг. Смерть этого животного не принесет нам никакой пользы, а твой выстрел может наделать больших хлопот. Раскаты эха для нас важнее промахов ружейного выстрела. Это голос самой природы, восстающей против безрассудной попытки опустошения!

– Таких голосов ты услышишь бесчисленное множество, если поживешь в этих окрестностях, – отвечал Гэрри. – Эхо в летнюю тишь беспрестанно повторяет все, что делают или говорят на Глиммергласе. Если нечаянно уронишь в лодку весло – горы тотчас захохочут над твоею неловкостью. Если ты свистнешь или засмеешься – сосны сделают то же...

– Стало быть, тем больше нужно благоразумия и осторожности в этих местах. Не думаю, чтобы неприятель успел проникнуть в эти горы, – ему тут нечего делать, но все делаваы того мнения, что осторожность составляет после храбрости первую и необходимую добродетель воина. Горное эхо лучше всякого шпиона может выдать тайну нашего прибытия сюда.

– Но прежде всего оно доложит старику Тому, что у него гости. Садись-ка опять, любезный, и, пока светло, поплывем к его ковчегу.

Скорый Гэрри, плывя по диагонали, направил свой челнок к юго-востоку. В этом направлении они были на расстоянии одной мили от берега. Через несколько минут они услышали легкий шум и, оглянувшись назад, увидели, как лань выходила из воды на берег, пробираясь к тому месту, откуда появилась. Животное стряхнуло воду со своих боков, взглянуло на деревья и углубилось в густой кустарник.

– Ты, Гэрри Марч, – сказал Натаниэль, – должен радоваться, что у тебя на этот раз глаз был не так верен и рука не так тверда. Мы вовсе не нуждались в смерти этого животного!

– До моего глаза и до моей руки, я думаю, нет тебе никакого дела, – возразил Гэрри, вспыхнув от досады. – Делаваы прозвали тебя Непромахом, и ты, я верю, отлично стреляешь в оленей; но желал бы я поставить тебя лицом к лицу с каким-нибудь мингом, который так же, как и ты, вооружен карабином. Тогда можно было бы что-нибудь сказать насчет твердости твоей руки и верности глаза. Убить четвероногое животное не значит еще отличиться, но положить на месте дикаря, по-моему, – геройский подвиг. Мой глаз верен, друг Натаниэль, и рука моя не дрожит. Если пуля не дошла по назначению, это произошло оттого, что животное вдруг остановилось на месте, тогда как, по моему расчету, ему следовало продолжать путь.

– Отчего бы это ни произошло, Гэрри Марч, я очень рад, что ты промахнулся. Что касается меня, – я не стыжусь, что у меня не хватит духа стрелять в своего собрата с таким же хладнокровием, как в оленя.

– Кто же тебе говорит о твоих собратях? Речь идет о каком-нибудь индейце, который не далеко ушел от четвероногих.

– Краснокожие такие же люди, как и мы, Гэрри Марч!

– Ты ребенок, Натаниэль, забавный ребенок! Если хочешь сам прослечь дикарем, стоит только тебе об этом заикнуться, и мы увидим, какой прием сделает тебе Юдифь Гуттер. Однако вот река, которую мы так долго искали. Видишь, как она запряталась под деревьями и кустарниками: можно подумать, что все это скорее загромождает, чем облегчает исток воды из озера.

В самом деле, множество кустарников, пригнутых к воде, и сосен, подымавших свои верхушки наподобие колокольных шпиров, делало даже на ближайшем расстоянии незаметным исток, через который вытекала вода из Глиммергласа. Не было видно никаких следов реки, и лес повсюду представлял собою однообразный, бесконечный лиственный ковер. Между тем челнок, медленно подвигаясь, вошел под арку из древесных ветвей. Несколько минут окруженные мраком путешественники не говорили ни слова.

– Эту засаду устроила сама природа, – сказал, наконец, Гэрри вполголоса, как будто чувствуя, что это место посвящено молчанию и осторожности. – Я теперь убежден, что старик Том засел где-нибудь недалеко отсюда. Проедем еще саженой десяток, и мы, наверное, наткнемся на его гнездо.

– Но каким образом мог пробраться сюда его ковчег? – с недоверием спросил Натаниэль. – Здесь едва хватает места и для нашей каноя.

Гэрри улыбнулся. Пробравшись через расстилавшуюся по закраинам озера бахромку кустарников, приятели очутились на гладкой поверхности воды, протекавшей под лиственным

навесом, для которого старые деревья служили колоннами. Здесь вдруг образовался свободный проход футов двадцати в ширину, и зрение могло ясно различать предметы на далеком пространстве. Медленно и осторожно подвигаясь вперед, путешественники тщательно осматривали все повороты реки, которых на пространстве в несколько сотен ярдов оказалось довольно много. При одном из таких поворотов Гэрри вдруг остановил лодку и ухватился за ветвь, как будто внезапная мысль поразила его. Зверобой в свою очередь машинально взял за карабин.

– Вот где он, этот старый плут, – сказал Гэрри тихо, указывая пальцем вперед и стараясь не делать никакого шума. – Я так и думал. Видишь, как он возится по колено в грязи и переставляет свои сети? Но где же, черт побери, его проклятый ковчег? Я готов прозакладывать все свои кожи, если он не в этом же месте! Разумеется, Юдифь ни за что не согласится пачкать свои прелестные ножки в этой черной грязи. Скорее кокетка сидит где-нибудь на берегу ручья, убирает свои волосы и запасается на всякий случай презрением к бедным мужчинам.

– Ты слишком строго судишь молодых девушек, Гэрри, – сказал Натаниэль. – Зачем ты беспрестанно думаешь о их недостатках, упуская из виду хорошие качества, часто недоступные для нашего брата! Я убежден, что Юдифь далеко не так презирает нас, как это кажется тебе. Вероятно, она теперь где-нибудь и как-нибудь помогает своему отцу.

– Очень приятно услышать из уст мужчины правдивые суждения хотя бы только один раз в жизни! – воскликнул приятный женский голос так близко от лодки, что путешественники вздрогнули. – Что касается вас, господин Марч, правдивые слова совсем не идут к вам, и я в этом отношении не имею никакой надежды. Я очень рада, что с вами не постыдился путешествовать человек, который так хорошо умеет ценить женщин. Сейчас ваше общество го раздо лучше, чем прежде.

Едва замолкли эти слова, как красивая молодая женщина выставила свою голову между листвою в таком близком расстоянии, что Натаниэль мог бы дотронуться до нее своим веслом. Она бросила холодный взгляд на Гэрри и встретила ласковой улыбкой его товарища. При этом нельзя было не заметить, что выражение ее подвижного лица способно принимать в короткое время самые разнообразные оттенки.

В следующую минуту все объяснилось. Каное охотников совершенно незаметно для них почти наткнулась на самый ковчег, который был тщательно скрыт за ветвями деревьев, склонивших с берега свои длинные ветви. Молодой девушке стоило только отодвинуть листья от окна, чтобы обратиться к путешественникам, которые находились прямо перед ее глазами.

Глава IV

Плавучий дом Тома Гуттера, или ковчег, как обыкновенно называли его, был построен очень просто. Нижняя часть его, лежащая на воде, состояла из большого плоского паромы, посредине которого возвышалась каюта, занимавшая всю ширину и около двух третей длины паромы. По наружному виду ковчег походил на замок, хотя деревья, употребленные на его постройку, были сравнительно тонки, – не большей толщины, чем требовалось для ограждения от пуль. Доски для паромы подобраны были с большим искусством, и он был чрезвычайно легок, так что для управления им не нужно было ни особой ловкости, ни большого труда. Каюта разделялась на две комнаты: в одной обедали и спал старик, другая была предназначена для его дочерей.

Обнаружение ковчега произвело на обоих путешественников не одинаковое впечатление. Бросив каноэ, Скорый Гэрри немедленно вскочил на паром, и через минуту у него завязался оживленный разговор с Юдифью. Он защищался, оправдывался, шутил, смеялся и, казалось, совершенно забыл обо всем на свете. Совсем не так поступил Зверобой. Взобравшись на ковчег медленно и осторожно, он принялся с напряженным любопытством осматривать его внешность и все подробности. От его внимания не ускользнуло даже размещение ветвей, и скоро он в совершенстве узнал все тайны этого оригинального жилища. Затем, пройдя первую комнату, где сидела Юдифь с его товарищем, он отворил вторую и увидел под окном Гэтти Гуттер, сидевшую за работой.

Зверобой оперся о свой карабин, положив руку на его дуло, и начал рассматривать девушку с видимым участием, зная из рассказов своего приятеля, что природа обделила ее умственными способностями. Наружность ее не представляла ничего особенно замечательного, при беглом взгляде нельзя было заметить в ней признаков слабоумия. Ее ум, проявлявший слабость при каких-нибудь особенно трудных рассуждениях, сохранял, однако, свою природную простоту и врожденную любовь к правде. Не трудно было заметить, что чувство добра было в ней инстинктивным, а отвращение ко всему дурному было до такой степени характерной чертой ее природы, что она как будто окружена была атмосферой душевной чистоты. Черты ее лица были довольно приятны. В общем она казалась слабой копией своей сестры. Ее щеки редко покрывались румянцем, потому что простой ее ум никогда не вызывал образов, способных взволновать кровь.

– Очень приятно слышать правдивые суждения из уст мужчины...

– Вас зовут Гэтти Гуттер? – сказал Зверобой ласковым голосом. – Скорый Гэрри мне говорил о вас, и я знаю, что ваше имя – Гэтти.

– Ваша правда, я Гэтти Гуттер, сестра Юдифи и младшая дочь Томаса Гуттера, – отвечала девушка приятным голосом.

– В таком случае я знаю вашу историю. Скорый Гэрри рассказал мне все, потому что он не имеет обыкновения скрывать чужих дел. Вы проводите большую часть вашей жизни на озере?

– Да. Моя мать умерла. Батюшка занимается своим делом, а Юдифь и я остаемся дома. Как вас зовут?

– На этот вопрос не совсем легко ответить. При всей своей молодости, Гэтти, я имел гораздо больше имен, чем какой-нибудь из великих начальников во всей Америке.

– Но все же есть у вас какое-нибудь имя? Бросая одно, вы, конечно, с честью принимали другое.

– Надеюсь, что так. Имена доставались мне не даром, и, я думаю, теперешнее имя недолго останется за мной. Делававы редко сразу подыскивают действительное имя, свойственное человеку, пока он не обнаружит своего истинного характера в совете или на войне. Моя очередь еще не пришла. Во-первых, я не имею права заседать в их советах, потому что я не краснокожий; а во-вторых, на моем веку теперь только первая война, и неприятель еще не забирался в эту колонию.

– Скажите мне ваши имена, – повторила Гэтти наивно, – и я, может быть, скажу вам, кто вы такой.

– Не думаю. Люди часто обманываются при оценке характера своих собратий и нередко дают им имена, которых они вовсе не заслуживают.

– Скажите мне ваши имена! – вскричала с запальчивостью девушка. – Я хочу знать, как о вас думать.

– Извольте, если вы непременно этого хотите. Прежде всего я принадлежу к породе белых людей, точно так же, как и вы. Мой отец имел фамилию, которая перешла к нему по наследству, и он передал ее мне. Эта фамилия – Бумпо. К ней придали имя Натаниэль, которое для краткости часто произносят Натти.

– Ах, как это хорошо: Натти и Гэтти! – вскричала молодая девушка, отрывая глаза от работы и с улыбкой всматриваясь в своего собеседника. – Вы – Натти, а я – Гэтти, но только вы – Бумпо, а я – Гуттер. Как вы думаете: ведь Гуттер звучит приятнее, чем Бумпо? Не правда ли?

– У каждого свой вкус. Бумпо звучит не так хорошо, я согласен; но мой дед и отец довольствовались этой фамилией всю жизнь. я, однако, носил ее недолго: делаварам показалось, что я никогда не лгу, и потому они назвали меня: «Правдивый».

– Это очень хорошее имя! – вскричала Гэтти с живостью и убежденным тоном. – Не говорите же, что нет правды в именах!

– Я и не говорю этого. Ложь, действительно, ненавистна для меня, как и для многих других людей. Через несколько времени делавары нашли, что у меня проворные ноги, и потому назвали меня: «Голубь».

– Чудесное имя, – сказала Гэтти. – Голубь – прехорошенькая птица.

– Все хорошо в своем роде, моя милая. Только человек слишком часто портит окружающее своим прикосновением. Потом, когда я начал заниматься охотой, делавары увидели, что я отыскиваю дичь скорее и вернее многих сверстников. Они прозвали меня «Вислоухим», потому что, как говорили они, у меня собачье чутье.

– Вот это нехорошо... Надеюсь, вы недолго носили это имя?

– Недолго. Когда я обзавелся своим карабином, делавары увидели, что я способен своим искусством доставлять в их хижины гораздо больше дичи, чем требовалось для них. Они назвали меня «Зверобоем» и «Непромахом», так как я не даю промаха, когда стреляю в оленей. Это имя я ношу до сих пор и горжусь им, хотя некоторые полагают, что для мужчины гораздо приличнее сдирать кожу с человеческих черепов, чем стрелять в оленей.

– Я этого не думаю, Зверобой, – простодушно заметила Гэтти. – Ваше ремесло мне нравится, и я нахожу, что ваше последнее имя гораздо приятнее, чем Натти Бумпо.

– Это очень естественно в молодой девушке с вашим характером, и я этого ожидал. Мне говорили, что сестра ваша редкая красавица.

– Разве вы никогда не видали Юдифи? – с живостью вскричала Гэтти. – О, ступайте к ней, ступайте скорее! Ей не всегда нравится общество Скорого Гэрри.

Бледные щеки молодой девушки немного оживились, и взгляд ее, обыкновенно ясный и спокойный, засверкал неестественным блеском. Зверобой медленно вышел из комнаты.

Почти одновременно с Бумпо в другой комнате, где сидели Юдифь и Скорый Гэрри, появился и владелец ковчега, Томас Гуттер, или Том Плавучий, как обыкновенно называли его охотники, знакомые с привычками загадочного старика. Казалось, он с первого взгляда узнал каное Гэрри и не обнаружил ни малейшего изумления, когда увидел его на пароме.

– Я ожидал тебя на прошлой неделе, – сказал он, обращаясь к Гэрри. – Сюда дошел слух, что между колонией и Канадой опять идет перепалка, а я засел между этими горами один, как байбак. На одни свои руки плохая надежда.

– Очень понимаю беспокойство отца, у которого две таких хорошеньких дочки, как Юдифь и Гэтти, – отвечал Генрих Марч полушутливо.

– Однако ты в теперешнее время, когда канадские дикари начинают рыскать по всем сторонам, приехал сюда не один, – сказал Гуттер, бросая недоверчивый взгляд на Зверобоя.

– В этом нет никакой беды, Томас Гуттер. В дороге пригодился бы и дурной товарищ, а этот молодой человек – славный малый, могу тебя уверить. Это Зверобой, известный между делаварами охотник и честный человек, получивший такое же воспитание, как ты и я. Он отлично стреляет оленей, и мы не насидимся при нем без дичи.

– Добро пожаловать, молодой человек, – проговорил Том, протягивая Бумпо свою костлявую руку. – В нынешнее время каждый белый внушает доверие, и я надеюсь при случае найти в вас помощь. Дети иной раз могут разнежить самое твердое сердце, и я боюсь за своих дочерей гораздо больше, чем за все свои права на эти места.

– Это очень естественно, – сказал Гэрри. – Мы с тобой, Зверобой, еще не испытали этого чувства, но я вполне понимаю его. Будь у нас дочери, мы, без сомнения, имели бы такие же опасения, и я уважаю человека, который не стыдится этого признания. Ну, старик, с этой минуты я объявляю себя защитником Юдифи, а Зверобой будет покровителем Гэтти.

– Очень благодарна вам, господин Марч, – отвечала Юдифь. – Знайте, однако, что Юдифь Гуттер может защищать себя сама и не нуждается в помощи какого-нибудь бродяги. Если нужно будет столкнуться с дикими, выходите с моим отцом на вольный воздух вместо того, чтоб запирались в четырех стенах под предлогом защиты слабых женщин, и...

– Юдифь! Укороти свой язык и выслушай, в чем дело. Дикие уже на берегу озера, и неизвестно в какой стороне. Может быть, они от нас в нескольких шагах...

– Если это правда, Том, – с беспокойством сказал Гэрри, – твой ковчег в довольно жалком положении. Он скрыт недурно, если могли обмануться даже мы с Зверобоем, но индеец, который охотится за волосами с человеческого черепа, отыщет его непременно.

– Я думаю то же самое и, признаюсь откровенно, в эту минуту скорее желал бы быть во всяком другом месте, чем в этой засаде. Скрываться здесь очень удобно, это правда, но не будет никакого спасения, если дикари откроют убежище. Теперь они очень недалеко от нас, и трудно выкарабкаться из этой реки, чтобы с берега не перестреляли нас всех, как оленей.

– Уверены ли вы, господин Гуттер, что краснокожие, которых вы так боитесь, действительно из Канады? – спросил Зверобой скромным, но серьезным тоном. – Если вы их видели, не можете ли сказать, как расписано их тело?

– Я не видал еще никого, но наверное знаю, что они слоняются в окрестностях. Спустившись по реке на милю отсюда, я заметил у края болота человеческий след, обращенный к северу. По размерам следа ноги и по углублению в нем от большого пальца я тотчас же догадался, что это должен быть след индейца, а немного погодя я отыскал старый его мокасина, брошенный в грязь. Я очень хорошо заметил место, где он останавливался, чтобы переменить свою обувь.

– Из этого еще нельзя вывести заключения, что краснокожий имел враждебное намерение, – сказал Зверобой, покачивая головой. – Опытный солдат мог бы зарыть, сжечь или бросить в реку свою изношенную обувь, не обнаруживая своего присутствия. Я уверен, что след, на который вы напали, принадлежит мирному индейцу. Я приехал сюда повидаться с одним молодым индейским начальником, и он должен ждать меня около того места, на которое вы указали. Может быть, на его след вы и напали.

– Гэрри, я надеюсь, что ты хорошо знаешь молодого человека, который назначает свидание с дикими в таком месте, где он никогда не был прежде? – спросил Гуттер подозрительно. – Измена считается добродетелью у индейцев, а белые слишком скоро осваиваются с их обычаями, как только поживут между ними.

– Справедливо, старик, совершенно справедливо; но только это вовсе не относится к моему приятелю. Зверобой – откровенный молодой человек и не способен на обман. Я ручаюсь за его честность, хотя не имею никаких доказательств его храбрости.

– Я желал бы знать, что ему надобно в этой стране?

– Это скоро будет объяснено, господин Гуттер, – спокойно отвечал молодой охотник. – Отец двух дочерей, владелец озера имеет полное право осведомляться, зачем и кто приезжает в эти места. Это все равно, как если бы колония вздумала спросить, зачем французы увеличивают свои полки на пограничной линии.

– Если вы так думаете, любезный друг, потрудитесь рассказать вашу историю без всяких предисловий.

– Дело вот в чем, Томас Гуттер. Я еще очень молод и не успел до сих пор показать своей опытности в военном деле. Когда же прислали к делаварам обнаженную секиру, объявляя таким образом наступление войны, они поручили мне отправиться к людям моего цвета и

подробно разведать о настоящем положении вещей. Я исполнил это поручение, и по окончании своих переговоров с белыми начальниками встретил на возвратном пути на берегах Скогари королевского офицера с деньгами, пересылаемыми некоторым союзным племенам, живущим далее к юго-востоку. В этом делава-ры видели благоприятный случай для Чингачгука, еще не успевшего помериться с неприятелем своими силами, и вместе с тем для меня, который также не отличался еще на поприще войны. Поэтому один старый делавар посоветовал нам встретиться и переговорить возле утеса на краю этого озера. Не скрою, есть у Чингачгука и другая цель свидания, но это его личный секрет, который нисколько не касается вас, и, конечно, вы не потребуете, чтоб я без всякой нужды выдавал чужие тайны.

– Держу пари, что дело идет о какой-нибудь молоденькой женщине! – вскричала Юдифь, улыбаясь и краснея при этой догадке. – Если сюда не замешалась охота или война, так, значит, молодой индейский начальник влюблен: это яснее солнца.

– Может быть, да, может быть, и нет. Я не скажу ничего ни в подтверждение, ни в опровержение догадки, которая, естественно, весьма легко может запасть в голову молодой девушки, проникнутой нежным чувством. Завтра поутру, за час до захода солнца, мы должны встретиться с Чингачгуком возле утеса и потом вместе продолжать наш путь, не трогая никого, кроме врагов колонии, которые теперь на законном основании сделались и нашими врагами. Скорого Гэрри я давно знал, потому что он не раз ставил свои капканы на земле делаваров. Встретившись с ним на берегах Скогари, когда он собирался на свои, обыкновенные в летнее время, поиски, мы решились идти вместе не столько из опасения, сколько для сокращения нашей общей дороги. Впрочем, об этом он и сам говорил вам.

– Так вы полагаете, что замеченный мною след принадлежит вашему другу, который явился на место свидания раньше условленного срока?

– Да, я так думаю. Может быть, я ошибаюсь, а может, и нет. Если бы увидеть найденный вами мокасин, я бы тотчас сказал, кому он принадлежит: делавару или нет.

– Извольте, вот он! – вскричала Юдифь, уже сбегавшая за ним в лодку. – Говорите, друг его носил или недруг? Вы честный человек, и я вполне верю вашим словам, что бы ни думал об этом отец.

– Это очень на тебя похоже, Юдифь, – сказал старик Том. – Я беспрестанно боюсь врагов, а у тебя на уме только друзья. Хорошо, молодой человек, говорите: что вы думаете об этом мокасине?

– Он сделан не так, как у делаваров, – отвечал Зверобой, внимательно осмотрев эту изношенную и брошенную обувь. – Я еще слишком молод и неопытен в военных делах, но мне кажется, что этот мокасин шел с севера, из-за больших озер {Из Канады.}.

– В таком случае мы не должны здесь оставаться ни минуты, – сказал Гуттер с крайним беспокойством, как будто скрытый неприятель засел на берегу недалеко от его ковчега. – До сумерок один только час, а в темноте нельзя выбраться отсюда, не делая шума. Слышали вы за полчаса перед этим эхо от ружейного выстрела?

– Ведь это я выстрелил, черт меня побери! – отвечал Скорый Гэрри, понявший теперь свою неосторожность.

– Нехорошо, молодой человек, очень плохо. Выстрел может возбудить подозрение индейцев, и они легко откроют наше убежище. Никогда нельзя стрелять в военное время без всякой нужды.

– Это я говорил и прежде своему товарищу. Он слишком упрям и не слушает посторонних советов, – сказал Зверобой. – Однако зачем нам переменять эту позицию, господин Гуттер? Здесь мы, кажется, в относительной безопасности и в случае нужды могли бы защищаться из этой каюты. Я знаю сражения только по рассказам, но мне кажется, что из этой крепости можно обратить в бегство дюжины две мингов.

– Это и видно, молодой человек, что вы знаете сражения только по рассказам. Видали ли вы когда-нибудь пространство воды пошире того, через которое вы сейчас проезжали с вашим товарищем?

– Нет.

– Так я объясню вам невыгоды нашей позиции в этом углу. Здесь, видите ли, дикие без труда узнают, в какой пункт направлять свои пули, и безрассудно думать, что ни одна из них не проберется через трещины нашего судна. Мы, напротив, принуждены будем стрелять наудачу во все эти деревья. С другой стороны, здесь ничто не спасет нас от пожара, потому что всего легче запалить кору этой кровли. Кроме того, дикие в мое отсутствие проберутся в мой замок, разграбят его, опустошат и разорят вконец. Но если мы выберемся на озеро, неприятель должен будет атаковать нас не иначе, как на лодках или на своих паромах, и тогда мы совершенно сравняемся с ним. Защищаясь с ковчега, мы отстоим наш замок. Понимаете вы эти соображения, молодой человек?

– Как не понять! Вы совершенно правы, господин Гуттер.

– Нечего, стало быть, и распространяться, дядюшка Том! – с живостью вскричал Гэрри. – Чем скорее с места, тем лучше. Марш за дело! Может быть, еще до ночи нам удастся запастись индейскими скальпами.

После краткого совещания начались серьезные приготовления к трудной переправе. Прежде всего развязали веревки, которыми ковчег прикреплялся к деревьям на берегу, потом посредством бечевки мало-помалу вытащили его из-за кустарников на гладкую поверхность воды. При этом не было произведено ни малейшего шума, ни малейшего шороха, потому что старик Гуттер принял все предосторожности. Затем, когда все трое перебрались с берега на борт ковчега, Гуттер и Скорый Гэрри взяли за весла, а Зверобой стал на карауле, посматривая во все стороны. Эта предосторожность была очень кстати. Когда они подъехали почти к самому устью Соскеганны, Зверобой увидел на западном берегу такое зрелище, которое могло напугать и опытного воина: на огромное дерево, наклонявшееся к воде в форме полукруга, уже вскарабкались шесть индейцев с очевидным намерением прыгнуть на каюту ковчега, как только он поравняется с этим местом. Зверобой заметил их в ту самую минуту, когда уже один, придерживаясь за ветви, выжидал удобного мгновения, чтобы соскочить и увлечь за собою остальных товарищей.

– Живее, Гэрри, живее! – вскричал он. – Дело идет о жизни. Гребите изо всей силы.

Пораженные этим необыкновенным криком, Гуттер и Марч удвоили свои усилия и с быстротою стрелы промчались мимо рокового дерева, как будто заранее зная опасность, которая им здесь угрожала. Заметив, что их открыли, индейцы испустили пронзительный военный крик и опрометью один за другим бросились с дерева, надеясь попасть на кровлю плавучего дома, но вместо этого все попадали в воду на большем или меньшем расстоянии от ковчега. Один только их начальник, бывший впереди и вооруженный с ног до головы, очутился на борту плавучего дома. Прежде чем он успел прийти в себя, смелая Юдифь, выбежав из каюты, мгновенно столкнула его в воду. Ее щеки пылали, глаза горели необыкновенным блеском, и в этом состоянии она едва ли давала себе отчет в безрассудности своего отчаянного героизма. Все это было делом одного мгновения, и когда Юдифь опомнилась, Натаниэль взял ее на руки и поспешно отнес в каюту. В ту же минуту по всему лесу раздались ужасные крики, и ружейные пули застучали по стенам каюты. Еще несколько мгновений, – и ковчег выплыл на открытое озеро, где уже не было никакой опасности. Индейцы с сожалением увидели бесполезность своих покушений и мало-помалу прекратили ружейные залпы.

Юдифь толкнула его в воду.

Глава V

На передней части парома в присутствии Юдифи и Гэтти началось совещание. Неприятель уж не мог подкрасться невзначай; но было ясно, что рассеянные толпами по берегу озера индейцы воспользуются всеми средствами для захвата ковчега и замка. Молодые и неопытные девушки, уверенные в смелости отца, не обнаруживали большого беспокойства, но старик Гуттер лучше всех понимал опасность, особенно, если двум товарищам вздумалось бы оставить его на произвол судьбы, что, весьма вероятно, они могли сделать во всякое время. Эта мысль сейчас не выходила из его головы.

– Нечего бояться, – сказал он, – пока мы на озере. В наших руках большие преимущества перед неприятелем, кто бы он ни был. Здесь всего три лодки, кроме твоей, Гэрри, и только я один знаю, где они скрыты. Ирокез может искать их тысячу лет, и разве только чудом каким наткнется на дупло, куда они запрятаны.

– Не говорите этого, господин Гуттер, – возразил Зверобой. – Чутье у краснокожих лучше, чем у собаки, если впереди ожидает их добыча; и я не знаю, какое дупло укроет от них вашу лодку.

– Твоя правда, Зверобой, – сказал Гэрри Марч. – И я очень рад, что моя каноэ в безопасности в наших руках. Завтра к вечеру, по моим расчетам, они непременно отыщут лодки, если их цель – загнать тебя в твоё логовище, старый Том!

Гуттер не отвечал ничего. Он попеременно смотрел то на озеро, то на небо, то на опушку лесов, как будто хотел открыть в них какие-нибудь признаки. Но ничто не давало внешних поводов к тревоге: деревья покоились в глубоком сне, освещенное на западе багрянцем заката небо было чисто. Озеро в этот торжественный час наступающей ночи казалось спокойнее обыкновенного.

– Юдифь, – сказал Том, прекративший свои наблюдения, – приготовь ужин для наших друзей. После этой перепалки у них должен быть отличный аппетит.

– Вовсе нет, дядя Гуттер! – отвечал Марч. – Мы сегодня за обедом порядком набили свои желудки, и для меня на этот раз общество Юдифи приятнее всякого ужина. Кто не будет любоваться ею в этот прекрасный вечер?

– Природа не отказывается от своих прав, и, по крайней мере, мой желудок требует пищи, – возразил старик. – Юдифь, займись приготовлением ужина и уведи с собой сестру. Мне нужно с вами поговорить, друзья мои, – продолжал он, когда девушки вошли в каюту, – и я нарочно выслал дочерей. Вам известно мое положение, и я хотел бы слышать ваше мнение насчет наших планов. Три раза горел мой дом, построенный на земле; но, выстроив этот замок и поселившись на воде, я считал себя в безопасности вплоть до настоящей минуты. Как вы об этом думаете?

– По моему мнению, старый Том, сейчас и твоей жизни и всем твоим владениям угрожает величайшая опасность, – отвечал Гэрри. – Все твоё имение не стоит сегодня и половины того, что стоило вчера.

– Притом у меня есть дети, – прибавил старик вкрадчивым тоном, – и вы сами видите, как хороши мои дочери. Это я могу сказать, несмотря на то, что я их отец.

– Все можно сказать, почтенный старичина, особенно, если нож приставят к горлу. У тебя две дочери, говоришь ты, и одна из них, это правда, не встретит себе соперницы во всех, какие ни возьми, колониях. О другой можно сказать только то, что ее зовут Гэтти Гуттер, и ничего больше. Так ли, старичина?

– Твоя дружба, Гэрри Марч, как я вижу, находится в зависимости от направления ветра, и товарищ твой, без сомнения, придерживается таких же правил, – отвечал Том с гордым видом. – Пусть так! Можете идти на все четыре стороны! Обойдусь без вас!

– Вы, конечно, ошибаетесь, господин Гуттер, думая, что Гэрри намерен вас оставить, – простодушно заметил Зверобой. – Ошибаетесь еще больше, если полагаете, что я последовал бы за ним в этом случае и бросил бы на произвол судьбы целое семейство, поставленное в затруднительное положение. Вы знаете, зачем я пришел: завтра будут окончены мои переговоры с молодым делаваром, и потом вот вам моя рука и с нею надежный карабин, который еще ни разу не дал промаха на охоте за зверьем. Очень буду рад, если он принесет такую же пользу и в военное время.

– Стало быть, я могу рассчитывать на вашу помощь, защищая дочерей?

– Очень можете, Том Плавучий, если таково ваше имя. Я стану защищать их до последней капли крови, как брат защищает свою сестру и муж жену. Да, вы можете положиться на меня во всех затруднительных случаях, и то же, надеюсь, скажет вам Скорый Гэрри, если дорожит своею честью.

– Нет, нет! – вскричала Юдифь, полуотворяя дверь. – Скорый Гэрри столько же опрометчив на словах, как и на деле. Он взапуски бросится от нашего семейства, лишь только почувствует опасность для своей смазливой наружности. Ни старик Том, ни его дочери не могут рассчитывать на легкомысленный и фальшивый характер Генриха Марча. Все мы будем надеяться на вас, Зверобой, потому что ваше открытое лицо и добрая воля ручаются за искренность ваших слов.

Однако в ее словах было больше досады, чем искренности, и Марч с неудовольствием подметил в ее глазах выражение презрения. Но это выражение мгновенно изменилось, когда она бросила мягкий и благодарный взгляд на Бумпо. Все это ясно видел Генрих Марч.

– Оставь нас, Юдифь! – строго вскричал Гуттер прежде, чем молодые люди успели ответить. – Можешь прийти сюда с ужином, когда он будет готов. Видите ли, господа, ее избаловали глупой лестью крепостные офицеры, которые наезжают сюда по временам. Надеюсь, Гэрри, ты не обратишь внимания на ее ребяческую выходку.

– Что правда, то правда, дядя Том, – отвечал Гэрри, раздосадованный замечаниями Юдифи. – Эти молодые вертопрахи решительно вскружили голову твоей дочери. Я просто не узнаю Юдифи, и ее сестра начинает мне нравиться гораздо больше, чем она.

– И прекрасно, молодой человек. Гэтти, поверь мне, гораздо рассудительнее своей сестры, и, по моему мнению, из нее выйдет самая верная, самая преданная жена.

– Конечно, дядя Том, вернее Гэтти не сыскать жены в целом мире, но насчет ее рассудительности можно еще поспорить – отвечал Гэрри улыбаясь. – Но об этом речь впереди. Я очень благодарен Зверобою, что он ответил за меня. Каковы бы ни были мои отношения к твоей старшей дочери, я не оставлю тебя, старик, можешь в этом быть спокоен.

Гуттер выслушал это обещание с видимым удовольствием, которого и не скрывал. Физическая сила такого человека, как Генрих Марч, уже известного своею храбростью, была при настоящих обстоятельствах для него надежным оплотом. За минуту до этого старик готов был оставаться только в оборонительном положении, теперь же его мысли мгновенно переменялись, и он уже обдумывал план наступления.

– Можно рассматривать все предметы с двух различных сторон, – начал старик с двусмысленной улыбкой, – и, вероятно, найдутся совестливые люди, которые сочтут не совсем благородным проливать человеческую кровь за деньги. Мне, однако, кажется, что если уже заведен обычай убивать друг друга на военной тропе, то ничто не мешает к волосам дикаря прибавить малую толику звонкой монеты. Что ты думаешь об этом, Гэрри Марч?

– А то, что ты делаешь страшную ошибку, дядя Том, когда кровь дикарей называешь человеческой кровью. По-моему, срезать кожу с черепа индейца – то же, что оканять уши собаке или волку, и, разумеется, глупо в том или в другом случае отказываться от законного и заслуженного барыша. О белых, конечно, мы не говорим: они имеют врожденное отвращение к сдиранию кожи; между тем индейцы бреют себе голову как будто нарочно для ножа. На маковке

у них шутовской клочок волос, разумеется, для того только, чтоб удобнее было делать эту операцию.

– Вот это по-нашему, любезный Гэрри! – отвечал старик, не скрывая своей радости. – Теперь мы разделяемся по-свойски. Мы подготовим индейцам такой праздник, какой им не снился. Вы, Зверобой, конечно, разделяете образ мыслей вашего товарища. Деньги – всегда деньги, хоть бы они были выручены за индейский скальп.

– Нет, я не разделяю подобных взглядов. Я стану защищать вас, Томас Гуттер, на ковчеге, в замке, в лесу, на лодке, везде, но никогда не изменю велению своего чувства. Вы хотите денег за индейские скальпы? Идите куда вам угодно, а я остаюсь здесь для защиты ваших дочерей. Сильный должен защищать слабого. Это в порядке вещей, и мои руки к вашим услугам.

– Скорый Гэрри, воспользуйтесь этим уроком! – послышался из другой комнаты кроткий, но одушевленный голос Юдифи. Это доказывало, что она слышала весь разговор.

– Замолчишь ли ты, Юдифь? – закричал рассерженный отец. – Ступай прочь! Мы толкуем о вещах, о которых не должны слышать женские уши.

Впрочем, Гуттер не принял никаких мер, чтобы удостовериться, послушалась ли его дочь, или нет. Он только понизил голос и продолжал:

– Молодой человек говорит правду, Гэрри, и мы можем ему доверить моих дочерей. Я думаю, собственно, вот о чем. На берегу озера теперь многочисленные толпы дикарей, и между ними достаточно женщин, хотя этого мне не хотелось сказать перед своими дочерьми. Очень вероятно, что это пока не больше, не меньше как группа охотников, которые не слышали еще ни о войне, ни о премиях за человеческие волосы, потому что, как видно по всему, они давно кочуют в этих местах.

– В таком случае зачем же они хотели ни с того, ни с сего отправить нас на тот свет? – сказал Гэрри.

– Наверняка еще нельзя сказать, что таково было их намерение. Индейцы очень любят устраивать нечаянные засады и делать фальшивые тревоги, чтоб позабавиться над испугом мнимых пленников. Это в их характере. Они, без сомнения, хотели нахлынуть на ковчег, как снег на голову, и предложить свои условия. Когда же этот план не удался, они от злости начали стрелять. Вот и все!

– Пожалуй, и так, я согласен с тобой, дядя Том! В самом деле, им не к чему таскать за собою женщин в военное время.

– Но охотники не расписывают тела разноцветной краской, – заметил Зверобой. – Это делается только в случае войны, и минги, которых я видел, без сомнения, гонятся не за оленями в этом месте.

– Слышишь, дядя Том? – вскричал Гэрри. – У Зверобоя взгляд повернее какого-нибудь старого колониста, и если он говорит, что индейцы расписаны военной краской, значит, это ясно, как день.

– Ну, так, стало быть, военный отряд наткнулся на толпу охотников, а с ними были женщины. Несколько дней тому назад проследовал через эти места гонец с известием о войне, и весьма вероятно, что воины пришли теперь звать своих женщин и детей и готовятся нанести первый удар.

– Может быть, и так! Но какая тебе-то польза, дядя Том?

Денежная польза, любезный друг, – хладнокровно отвечал старик, бросив проницательный взгляд на обоих собеседников. – Волосы есть у женщин и детей, а колония платит без различия за все скальпы, не разбирая, с какого черепа они содраны.

– Это бесчеловечно и позорно! – воскликнул Зверобой.

– Не горячись, любезный, – сказал Гэрри. – Прежде выслушай в чем дело. Все эти дикари прехладнокровно режут всякого человека, кто бы он ни был. Небось, они не дают спуска твоим

приятелям делаварам или могиканам. Отчего же в свою очередь и нам не сдирать волос с их черепов?

– Стыдитесь, господин Марч! – вскричала опять Юдифь, полуотворяя дверь.

– С вами, Юдифь, я не намерен рассуждать: за недостатком слов вы умеете доказывать глазами, и я сознаюсь в своем бессилии против такого оружия. Жители Канады, видите ли, платят индейцам за ваши волосы; почему же в свою очередь нам не отплатить...

– Нашим белокожим индейцам! – добавила Юдифь, и в смехе ее послышалась грустная нотка. – Батюшка, не думайте об этом! Слушайтесь Зверобоя: он человек честный, совестливый, – не так, как Генрих Марч.

Гуттер встал, вошел в ближайшую комнату, прикрыл дверь и воротился опять к своим друзьям. Гуттер и Скорый Гэрри начали обдумывать свой план и разговаривали шепотом, поверяя один другому свои мысли. Наконец Юдифь принесла ужин. Марч с удивлением заметил, что лучшие куски хозяйка предложила Зверобоею, и что вообще она, едва представлялся случай, обнаруживала очевидное желание угодить этому новому гостю. Зная, однако, кокетство и причуды красавицы, он был совершенно спокоен и ел с отличным аппетитом, так же, как и его товарищ, успевший проголодаться после легкого обеда.

Через час мрак мало-помалу сменил летние сумерки, и все погрузилось в тихий покой ночи. Озеро по-прежнему было гладко и спокойно. Окружавшие его леса были окутаны торжественным молчанием. Ни крика, ни шороха на всем окружающем пространстве. Только правильное движение весел в руках Гэрри и Бумпо нарушало тишину. Гуттер сначала управлял рулем на задней части ковчега, но когда увидел, что молодые охотники могут справиться и без него, бросил рулевое весло и закурил трубку. Через несколько минут вышла из каюты Гэтти и села у ног своего отца. Гуттер, привыкший к манерам младшей дочери, не обратил на это никакого внимания и только погладил ее по голове.

Не отвечая на ласки отца, Гэтти запела. Ее голос, сначала тихий и дрожащий, имел какой-то торжественный характер. Слова и мелодия отличались величайшей простотой: то был один из гимнов, которые Гэтти переняла от своей покойной матери. Эта простая мелодия всегда производила умиротворяющее действие на старого Тома. Гэтти инстинктивно поняла это, и во многих случаях умела кстати пользоваться своим влиянием на отца.

Гребцы положили весла. Вдохновение Гэтти увеличивалось, по-видимому, с каждой минутой; ее голос, проникнутый какою-то меланхолическою грустью, постепенно усиливался, замирая в переливах разнообразнейших оттенков. Бездействие молодых людей, сидевших на передней части парома, доказывало, что они захвачены этой заунывной мелодией, и только тогда, когда последний звук замер на отдаленном берегу в непроницаемой густоте лесов, они снова взяли за весла. Старик Гуттер был, по-видимому, очень растроган.

– Ты что-то слишком печальна сегодня, дитя мое, – сказал он с необычной для него нежностью. – Мы избавились от большой опасности, мой друг, и ты должна радоваться.

– Ты ничего этого не сделаешь? – сказала Гэтти, не отвечая на его замечание и взяв его за руку. – Ты долго разговаривал с Гэрри; но я надеюсь, что у вас не подымется рука на это.

– Ты впутываешься не в свое дело, глупое дитя!

– Зачем хотите вы с этим Гэрри убивать людей, особенно детей и женщин?

– Перестань, девчонка! Мы ведем войну, и наша обязанность поступать с неприятелями так же, как они с нами.

– Не то, батюшка. Распродайте свои кожи, накопите их еще больше, но не проливайте человеческой крови.

– Поговорим лучше о чем-нибудь другом, дитя мое. Рада ли ты возвращению нашего друга, Марча? Ты, кажется, любишь Гэрри и должна знать, что скоро, может быть, он сделается твоим братом или чем-нибудь поближе.

– Этого не может быть, батюшка, – отвечала Гэтти после продолжительной паузы. – У Гэрри уже есть отец и мать, а никто не может иметь двух отцов и двух матерей.

– Как ты глупа, моя милая! Дело, видишь ли, вот в чем. Если Юдифь выйдет замуж, родители ее мужа сделаются также ее родителями, и сестра ее мужа будет ее сестрою. Если женится на ней Гэрри, он будет твоим братом.

– Юдифь никогда не выйдет за Гэрри, – отвечала девушка решительным тоном. – Юдифь не любит Гэрри.

– Этого ты не можешь знать, мой друг. Гэрри Марч прекрасный, сильный и храбрый молодой человек. Юдифь в свою очередь прекрасная молодая девушка. Почему же им не обвенчаться? Я уже почти дал ему слово, и только на этом условии он соглашался идти со мною в поход.

С минуту Гэтти не отвечала ничего. Она обнаруживала очевидные признаки внутреннего беспокойства. Наконец Гэтти спросила:

– Батюшка, виноват ли тот, кто безобразен?

– Нет, мой друг. Но ты не безобразна, Гэтти! Ты только не так хороша, как Юдифь.

– Почему Юдифь умнее меня?

– Что с тобою, Гэтти? Этого я не могу тебе сказать. Разве тебе хотелось бы иметь больше ума?

– Нет. Я не знаю, куда девать и тот ум, который у меня есть. Одно только мучает меня. Чем больше я размышляю, тем больше мне кажется, что я несчастна. Я хотела бы похорошеть так же, как Юдифь.

– Зачем? Красота может ей принести множество огорчений, таких же, например, как бедной твоей матери.

– Моя мать была очень добра при всей своей красоте, – сказала Гэтти.

При этом намеке на свою жену Гуттер нахмурился, замолчал и принялся докуривать свою трубку. Гэтти плакала. Наконец, вытряхнув пепел и погладив дочь по голове, он сказал:

– Думай не о красоте, милое дитя мое...

– Гэрри говорит, что красота – все для молодой девушки. Вот отчего мне хотелось бы похорошеть, милый батюшка.

Гуттер сделал нетерпеливое движение, встал и немедленно прошел через каюту на переднюю часть парома. Простота, с какой Гэтти обнаружила свое увлечение, обеспокоила его тем больше, что никогда прежде подобная мысль не приходила ему в голову. Он решил немедленно объясниться с Гэрри. Отличительною, лучшею чертою его грубой натуры, подавленной странными привычками и диким образом жизни, было идти прямо к цели и в речах, и в поступках. Подойдя к молодым людям, он сказал, что пришел сменить Зверобоя, и, взяв весло, попросил Бумпо занять место рулевого на задней части парома. Гуттер и Генрих Марч остались наедине.

С появлением Зверобоя Гэтти исчезла, и молодой охотник остался один. Через несколько минут вышла из каюты Юдифь. В ее блестящих глазах, устремленных на молодого человека, выражалось неподдельное участие, которое без труда при ясном свете луны заметил бы и поверхностный наблюдатель. Волосы ее густыми прядями падали на плечи, и выразительное лицо казалось в этот час еще прекраснее.

– Я едва не умерла со смеху, Зверобой, когда этот индеец бултыхнулся в реку, – внезапно с кокетливым видом начала красавица. – Этот дикарь расписан недурно. Любопытно бы знать, слинял ли он на дне Сосквеганны или нет?

– Ваше счастье, Юдифь, что вы уцелели от пули этого индейца. Вам не следовало выходить из каюты, и ваша необдуманная смелость могла иметь печальные последствия.

– Зачем же вы бросились за мною, любезный Зверобой? Ведь и вам грозила такая же опасность.

– Мужчина обязан спасать женщину везде и всегда: это его обязанность, которую понимают и минги.

– Вы больше делаете, чем говорите, Зверобой, – отвечала Юдифь, усаживаясь возле того места, где он стоял, управляя рулем. – Надеюсь, мы с вами скоро подружимся. Генрих Марч говорит очень бойко, но когда нужно действовать, он не выполняет своих слов.

– Марч ваш старый друг, Юдифь, и вам не следует дурно отзываться об отсутствующем друге.

– Генрих Марч, я полагаю, никого не обрадует своею дружбой. Молчите или поддакивайте, когда он говорит, – и он весь к вашим услугам. Если же вы ему противоречите, тогда злословие и бешенство его не знают никаких пределов. Нет, Зверобой, я не могу любить человека с характером Генриха Марча. С своей стороны и он, я уверена, таких же мыслей обо мне. Вы это, конечно, знаете, если он говорил с вами.

– Марч по обыкновению высказывает все, что у него на языке, не давая пощады ни друзьям, ни врагам. Это, конечно, зависит от необдуманности и чрезмерной пылкости его характера.

– Я убеждена, что язык Марча работает вдоволь, как только речь заходит о Юдифи Гуттер и ее сестре, – сказала она презрительным тоном. – Репутация молодых девушек – забавный предмет для известных людей, которые, однако, не осмелились бы разинуть рта, если бы у этих девушек был брат или близкий родственник. Так и быть. Пусть Генрих Марч издевается над нами сколько угодно: рано или поздно он раскается. Даю в том честное слово.

– Вы слишком преувеличиваете, Юдифь. Гэрри никогда ни одного слова не говорил о вашей сестре, и...

– Понимаю! – с живостью вскричала Юдифь. – Его змеиный язычок потешается только надо мной одной. Бедная Гэтти ниже или выше его клеветы и злости.

– Не скрою, – продолжал Бумпо, – мой товарищ жаловался довольно часто, что вы слишком привязаны к обществу офицеров. Но это он говорил из ревности, и, по всей вероятности, его слова приносили ему же огорчение.

Зверобой, может быть, и сам не чувствовал всей важности своих простодушных речей. Он не заметил живой краски, выступившей на прекрасном лице Юдифи, потом бледности, покрывшей ее щеки. Несколько минут продолжалось глубокое молчание. Вдруг Юдифь стремительно вскочила со своего места, схватила руку молодого охотника и с необыкновенной живостью проговорила:

– Зверобой, я в восторге, что между нами нет больше недоразумений. Говорят, внезапная дружба ведет к продолжительной вражде, но с нами этого не случится никогда. Не знаю, как это вышло! Вы первый и, может быть, единственный человек, который говорит со мною без всякой лести, не желая моей гибели и не рассчитывая на мою слабость. Не говорите ничего Скорому Гэрри. При первом удобном случае мы возобновим этот разговор.

Она выпустила руку молодого охотника и поспешно удалилась в свою комнату. Озадаченный Зверобой машинально ухватился за руль и стоял неподвижный, как горная сосна. Рассеянность его была так велика, и он настолько забыл свой пост, что Гуттер должен был окликнуть его несколько раз, чтобы заставить держаться прямой дороги.

Глава VI

Легкий южный ветерок заколыхал поверхность озера, и Гуттер распустил огромный парус, при котором не нужно было работать веслами. Часа через два путешественники сквозь ночной мрак увидели замо́к в нескольких саженьях от себя. Спустили парус, и ковчег благополучно пристал к платформе, где его и привязали.

Никто не входил в Замо́к Канадского Бобра с той поры, как его оставили Скорый Гэрри и Зверобой. Гуттер не велел своим дочерям зажигать света из опасения пробудить бдительность индейцев, кочевавших по берегам.

– Днем за этой оградой я не испугаюсь целого полчища дикарей, – говорил старик Гуттер. – Здесь у меня всегда три или четыре заряженных ружья, и одно из них, прозванное: «ланебой», никогда не дает промахов. Днем все выгоды на моей стороне. Ночью совсем не то: лодка может подъехать сюда исподтишка, и у дикарей найдутся миллионы средств тревожить нас со всех сторон. Хорошо и то, что мой замо́к с успехом может обороняться при свете солнца. Я держусь того убеждения, что здесь, на воде и под открытым небом, я совершенно в безопасности.

– Мне говорили, дядя Том, что ты был когда-то моряком, – сказал Скорый Гэрри полушутливо. – Ты мог бы, по словам некоторых людей, рассказывать предиковинные истории относительно, ну, разных там морских битв и кораблекрушений.

– Мало ли каких людей ни бывает на свете, любезный Гэрри, – отвечал уклончиво Гуттер. – Некоторые люди, видишь ли, большие охотники до чужих дел и мыслей, и эта страсть преследует их даже в лесной глуши. Все это, я полагаю, не так важно для нас, как эти дикари. Гораздо своевременнее теперь допытываться, что может с нами случиться через двадцать четыре часа, нежели рассуждать о том, что и как происходило двадцать четыре года тому назад.

– Вы правы, господин Гуттер, – сказал Зверобой, – и, по моему мнению, мы сделаем лучше всего, если позаботимся о мерах безопасности для Юдифи и Гэтти. Впрочем, не мешает прежде отдохнуть; я заявляю, что усну спокойно за этими стенами.

Так окончился разговор. Но не сон был на уме у старика Тома. Как только дочери удалились в спальню, он пригласил своих товарищей на ковчег.

– Вот в чем дело, друзья мои, – начал Гуттер, – на всем этом пространстве есть только пять лодок, годных для плавания по этому озеру. Из этих пяти лодок две принадлежат мне, одна – Гэрри, и все эти три лодки около нас. Одна привязана к сваям под моим замо́ком; две другие поставлены рядом на ковчеге. Но две остальные лодки запрятаны на берегу в дуплах толстых деревьев. Если индейцы твердо решили получить деньги за наши волосы, то нет сомнения, что завтра поутру они обшарят все лазейки, чтобы...

– Я готов спорить до упаду, старый Гуттер, что ни один индеец не пронюхает про лодку, если она хорошо запрятана в дупло. Вот Зверобой, пожалуй, скажет, какой я мастер на эти штуки: моя лодка была запрятана так, что я сам не мог ее отыскать.

– Но ты забываешь, Гэрри, одно маленькое обстоятельство, – возразил молодой охотник: – мои глаза раньше твоих заметили и отыскивали след человека, спрятавшего твою лодку. Я с своей стороны, так же как и Гуттер, того мнения, что гораздо благоразумнее остерегаться проницательных глаз хитрого врага, чем рассчитывать на недостаток его зрения. Стало быть, нужно как можно скорее пригнать сюда остальные две лодки, если нет каких-нибудь непредвиденных препятствий.

– И вы согласны принять участие в этой экскурсии? – сказал обрадованный старик.

– Разумеется, – отвечал молодой человек. – Я не прочь принять участие в подобных предприятиях, когда они не противоречат природе белого человека. Я готов, Том Плавающий, идти с вами в самый притон дикарей, если вы этого потребуете. До сих пор я еще не участвовал

ни в одном сражении, и трудно мне обещать какую-нибудь серьезную помощь; несомненно, однако, что я употреблю все средства, чтобы быть вам полезным.

– Это очень скромно и рассудительно с твоей стороны, любезный Натаниэль, – сказал Гэрри. – Ты еще не знаком с ружейными выстрелами, и я могу тебя уверить, что они немножко посерьезнее твоего карабина, так же, как раздраженный неприятель в тысячу раз опаснее оленей, с которыми до сих пор ты имел дело. Сказать правду, Зверобой, я на тебя не слишком много надеюсь.

– Это мы увидим, Гэрри, увидим, – кротко отвечал Бумпо, не обижаясь на колкое замечание. – Бывали иной раз люди, которые слишком храбрились перед сражением, а потом, когда пули начинали свистеть над их головой, храбрость их исчезала, как дым. Другие, напротив, не говоря и не обещая ничего, вели себя на самом деле очень порядочно. Все бывает, любезный Гэрри.

– Во всяком случае, нам известно, молодой человек, что вы хорошо управляете веслом, – сказал Гуттер, – и другой услуги на этот раз мы не потребуем от вас. Времени терять не нужно: садитесь в лодку, господа, и марш в добрый путь.

Была полночь. Сияли звезды. На небе не было ни одного облачка. Гуттер, в совершенстве знакомый с местностью, указывал дорогу, а молодые охотники управляли лодкой, соблюдая величайшую осторожность из опасения пробудить бдительность врага. Через полчаса они уже подъезжали к мысу на расстоянии мили от замка.

– Бросьте весла, друзья мои, – сказал Гуттер тихо. – Надо осмотреть хорошенько эту местность. Смотрите во все глаза и насторожите уши: у этих гадов обоняние лучше, чем у любой собаки.

При самом тщательном исследовании ничего нельзя было ни заметить, ни расслышать: лагерь индейцев, вероятно, был на берегах Соскеганны, где было сделано ими внезапное нападение. Когда лодка причалила к берегу, старик Гуттер и Скорый Гэрри поспешили выйти на берег. Зверобой остался в лодке. Через несколько минут осторожные путешественники, не делая никакого шума, были уже на месте возле известного им дупла.

– Ну, вот мы и здесь, – сказал шепотом Гуттер, опираясь ногою о пень огромной липы, свалившейся на землю. – Нужно теперь осторожно отодвинуть кору и вынуть лодку из дупла.

– Об этом уже я позабочусь, – отвечал Гэрри, – только ты, старичина, поворачи приклад ружья ко мне, чтоб оно было наготове и я мог выпалить тотчас же, если эти черти накроют меня, когда лодка будет на моем плече. Осмотри хорошенько ружейную полку.

– Все в порядке, не беспокойся. Иди с этим грузом как можно медленнее, а я пойду впереди.

Когда лодка была освобождена, Гэрри взвалил ее себе на плечи, и оба они отправились к берегу, принимая обычные предосторожности, чтоб не произвести ни малейшего шума. Они благополучно спустились с пригорка. Зверобой, встретив товарищей, поспешил привязать принесенную лодку возле своей. Потом еще раз все трое начали осматривать окрестности, ожидая увидеть скрытых врагов. Но ничто не возмущало ночной тишины, и они с такими же предосторожностями отправились на дальнейшие поиски. Подъехав к тому мысу, где Гэрри неудачно выстрелил в убегавшую лань, они, как и в первый раз, опять вышли на берег, кроме Зверобоя, по-прежнему оставшегося на месте. Через несколько минут и последняя лодка, вынутая из потайного дупла, была к общему удовольствию спущена на озеро. Все весело поздравляли себя с окончанием смелой экспедиции.

– Отлично, черт побери, надули мы этих краснокожих болванов! – сказал Гэрри, обрадованный и гордый успехом. – Если теперь вздумается им посетить замок, пусть поищут броду или бросятся вплавь. Твоя мысль, старый Том, приютиться на озере – превосходная мысль; она доказывает, что у тебя сметливая голова. Пусть думают, сколько хотят, будто земля безопаснее воды: выходит на поверку, что это – чушь, на которую благоразумный человек не обратит вни-

мания. Недаром бобры и другоемышленное зверье бросаются в воду, когда им грозит опасность на берегу. Пусть теперь бунтуют против нас все канадские негодяи: их нечего бояться на нашей позиции, старый Том!

– Не мешай обследовать этот берег с южной стороны, – прервал его Гуттер, – не нападем ли здесь на какой-нибудь след. Но прежде взглянем как следует на эту бухту, которая, как я вижу, представляет все удобства для ночлега дикарей.

Все трое пошли в ту сторону, на которую указал Гуттер. Едва они сделали несколько шагов, как общее изумление показало, что один и тот же предмет поразил их взоры. Это была почти уже затухшая головня – явный остаток огня, разведенного в этом месте кочующими индейцами. Выбор этого места, защищенного со всех сторон, обнаруживал намерение тщательно скрыть свой стан от человеческого взора. Гуттер, который знал, что в нескольких шагах отсюда находится ручей и что здесь всего удобнее располагаться для рыбной ловли, немедленно вывел заключение, что, по всей вероятности, индейцы скрыли в этом месте своих жен и детей.

– Это вовсе не военный стан, – шепнул он Скорому Гэрри, – возле этого огонька, если не ошибаюсь, лежат смирные овечки, и нам будет от них славная пожива. Спровадь как-нибудь этого молодца, и мы без него тотчас же примемся за дело.

– Великолепная мысль, старик! Сейчас я распоряжусь. Эй, Зверобой! Вернись к лодкам и отвали от берега подальше. Ветер теперь, ты видишь, попутный, и тебе надо пустить две лодки по течению, а на третьей опять подплыть сюда. Ты будешь дожидаться около берега. В случае нужды мы тебя позовем. Я закричу, как гагара. Этот крик будет сигналом. Если ты услышишь ружейные выстрелы, можешь явиться к нам на помощь, и тогда увидим, как ты станешь справляться с индейцами.

– Гэрри, затеи ваши к добру не поведут; бросьте их и послушайте моего совета.

– Твои советы превосходны, мой милый, но никто не будет их слушать – вот в чем штука. Отчаливай скорее, и когда ты воротись, в этом лагере произойдет маленькое движение.

Не надеясь образумить своих спутников, молодой охотник сел в лодку и отчалил от берега. Достигнув середины озера, он отпустил две лодки, и они, увлекаемые южным ветром, поплыли прямо к замку. Затем Зверобой пустился в обратный путь, и минут через десять был опять возле берега в том месте, на которое указал ему Скорый Гэрри.

Было тихо вокруг. Ни малейший шорох не нарушал торжественного безмолвия ночи. Бумпо с замиранием сердца, едва смея дышать, ожидал последствий опасного предприятия своих товарищей. Он знал хорошо обычаи пограничной войны, и его хладнокровие в настоящую минуту могло бы сделать честь даже старому солдату. С того места, где он остановился, ему нельзя было разглядеть никаких признаков борьбы, и он рассчитывал только на чуткость своего уха. Раз или два показалось ему, что он слышит хруст ветвей. Но это при чрезвычайном напряжении воображения легко могло ему показаться.

Минуты шли за минутами. Прошло уже около полутора часов, как вдруг его внимание привлек звук, который изумил и вместе обеспокоил его. Раздался крик гагары, пронзительный, дрожащий, сильный, продолжительный, как будто нарочно изобретенный природой для подавления зловещих сигналов. В ночное время довольно часто слышен подобный крик, и гагара в этом отношении составляет редкое исключение из всех других пернатых обитателей леса. Этот крик раздался, очевидно, на небольшом расстоянии от Сосквеганны. Туда за полтора часа легко могли добраться Гэрри и Гуттер. Но зачем и для чего попали они в ту сторону? Если они оставили лагерь индейцев, им следовало воротиться к лодке. Если, напротив, ввиду многочисленности неприятеля, они не отважились сделать нападение, тем менее было поводов удаляться на такое расстояние. Что же делать? Идти по направлению сигнала значило слишком удалиться от мыса и подвергнуть явной опасности своих товарищей. Остаться на месте, предположив, что это настоящий, неподдельный крик птицы, значило опять-таки сделаться, быть может, причиной тяжелых последствий. Зверобой остался на месте в надежде услышать

во второй раз тот же самый крик, действительный или мнимый. Он не обманулся. Прошло несколько минут, и с той же стороны раздался опять такой же крик. На этот раз чуткое ухо не обмануло охотника. Он часто слышал удивительное подражание крику этой птицы, подражал и сам довольно удачно, и был теперь убежден, что Гэрри не мог подражать гагаре с таким совершенством. Поэтому он решил не обращать никакого внимания на этот крик и выжидать другого, более близкого и менее совершенного.

Едва Зверобой остановился на этой мысли, как ночную тишину нарушил другой крик – ужасный и душу раздирающий крик, который немедленно изгладил из памяти охотника меланхолический звук зловещей птицы. То мог быть предсмертный крик женщины или молодого человека, голос которого еще не получил интонации своего пола. Ошибиться было невозможно. Эти звуки выражали смертельный ужас или, быть может, предсмертное томление страдальца. Зверобой обомлел и, не отдавая отчета в том, что делает, поехал наудачу, рассекая воду веслами. Несколько минут положили конец его недоумению. Он ясно расслышал треск ветвей и хвороста, смешанный шум человеческих шагов. Звуки эти, по-видимому, приближались к воде, немного к северу от того места, где он должен был стоять со своей лодкой. Немедленно он повернул легкий челнок и через минуту очутился возле крутого и высокого берега. Несколько человек, очевидно, пробирались к этому месту через кустарники и деревья, как будто убегая от преследователей. Вдруг в одно и то же время раздалось пять или шесть ружейных выстрелов, и затем послышался беспорядочный крик человеческих голосов. Немного погодя в кустарнике, недалеко от Зверобоя, завязалась борьба.

– Проклятый угорь! – с бешенством вскричал Гэрри. – У этого дьявола кожа обмазана маслом, и я не могу его схватить. Вот же тебе, чертово пугало!

За этими словами последовал шум от падения тяжелого тела в кустарник, и Бумпо подумал, что его гиганту-товарищу удалось опрокинуть навзничь своего врага. Затем снова началось преследование и бегство. В скором времени какой-то человек, сбежавший с горы, бросился в воду. Зверобой, видевший эту сцену, ясно понял, что если не теперь, то уже никогда ему не удастся спасти своих товарищей. Но едва он сделал несколько взмахов веслами, чтоб подъехать к находившемуся в воде беглецу, как воздух наполнился жалобными криками Гэрри, который катался на берегу, буквально задавленный своими врагами. В это критическое мгновение он еще раз испустил крик гагары, странный, придушенный крик, который при менее ужасных обстоятельствах мог бы показаться смешным. При этом звуке человек, барахтавшийся в воде, казалось, вдруг раскаялся в своем бегстве и воротился на берег, чтобы идти на помощь к своему товарищу; но в ту минуту, как он ступил на землю, пять или шесть индейцев мгновенно бросились на него и завладели им.

– Да отстанете ли вы от меня, намалеванные черти! – кричал Генрих Марч. – Будет и того, что связали по рукам и по ногам! Зачем же еще душить свою жертву?

Этот возглас убедил Зверобоя, что приятели его попались в плен и что ему самому неминуемо угрожает та же участь, если он выйдет на берег. В эту минуту он был от берега шагах в тридцати, и несколько ловких ударов веслом отдалили его на значительное расстояние, где он мог быть в безопасности от ружейных выстрелов. К счастью, индейцы не заметили до этого его лодки и, занятые общей свалкой, не обратили на него никакого внимания.

– Вперед, мой милый, дальше от этих диких берегов! – кричал старик Гуттер. – Теперь на вас только вся надежда моих дочерей! Употребите все свое благоразумие, чтобы спастись от этих дикарей!

Гуттер не был вообще симпатичен Зверобоя, но страшное отчаяние, звучавшее в этих словах, заставило молодого охотника забыть все недостатки странного старика. Он видел в нем только страдальца и решил оставаться верным его интересам.

– Будьте спокойны, господин Гуттер, – крикнул он. – Я стану заботиться о ваших дочерях и буду охранять ваш замок. Неприятель завладел берегами Глиммергласа, но вода покамест для него недоступна. Можете на меня положиться: я сделаю все, что будет от меня зависеть.

– Да, Зверобой, да, любезный друг! – вскричал Гэрри своим громовым голосом. – Намерения твои честны и похвальны, но какого черта ты можешь сделать? Плохая на тебя была надежда и в лучшие времена, а теперь и подавно. Тебе ли управиться с целым полчищем дикарей, рассеянных по этим берегам? Ступай прямо в замок, запасись провизией, посади в лодку обеих девиц, высадишь на берегу в том углу, откуда мы пришли, и немедленно отправляйся в Могаук. Эти демоны несколько часов еще не будут знать о твоём бегстве, и, во всяком случае, ты можешь опередить их. Послушай этого совета, а старый Том пока озабочен заведением для своих дочерей.

– Все это никуда не годится, молодой человек, – возразил Гуттер. – Неприятелям смотрят во все глаза и как раз проводят об этом плане. Рассчитывайте только на замок и не подходите к земле. Стоит только продержаться неделю, а там крепостные полки прогонят этих дикарей.

– Что за вздор ты городишь, старик! – снова вскричал Гэрри. – Не пройдет, пожалуй, и суток, как эти хитрые лисицы построят плоты и причалят к твоему замку. Совет твой, во всяком случае, может иметь гибельные последствия. Мы с тобой, разумеется, еще могли бы несколько времени держаться в замке, но этот Зверобой не имеет никакой военной опытности и не знает всех уловок хитрого врага. Неизвестно, что будет со мной и Томом! Волосы на моей голове так густы, что, по всей вероятности, они сделают из них два добрых скальпа в надежде получить двойной приз. Зверобой, отваливай дальше и, когда наступит день, держись от берега саженой на сто...

Один из краснокожих положил конец этой речи, закрыв ладонью рот Генриха Марча. Вслед за тем индейцы пошли в лес и повели с собою пленников, которые, казалось, не сопротивлялись. В общей суматохе Зверобой еще раз услышал замиравший голос старика:

– Берегите моих дочерей!

Молодой охотник остался один со своими тяжелыми размышлениями. Гробовое молчание сменило шум борьбы, и ни один звук не долетал больше до его чуткого слуха.

Зверобой ехал медленно, погруженный в глубокую думу, и не раньше, как через час, настиг одну из пущенных по ветру лодок. Привязав ее к своей каноэ, он еще раз осмотрелся вокруг себя и чутко прислушался. Ничего не было слышно и видно. Он решил заснуть. Но, несмотря на крайнее утомление, сон на этот раз не сразу сомкнул его глаза. Долго напряженное воображение проносило перед ним все события этой ночи. Вдруг послышалось ему, будто Гэрри дает сигнал подойти к берегу: он встал, осмотрелся, прислушался; но все, казалось, было погружено в могильное молчание. Обе лодки медленно подвигались на север, звезды блестели над его головой, и пространство воды, окруженное лесами и горами, расстилалось во всем своем величии.

Бумпо лег снова на дно лодки и через несколько минут заснул крепким сном.

Глава VII

Был уже день, когда молодой охотник открыл глаза. Он немедленно встал и осмотрелся вокруг с озабоченным видом человека, сознающего необходимость разобраться точнее в своем положении. Его сон был глубок, непрерывен; он пробудился с ясным сознанием и новыми силами, которые были для него так необходимы в настоящую минуту. Солнце еще не взошло, но небесный свод окрасился уже багряным цветом, возвещавшим наступление дня. Воздух наполнился щебетанием птиц. Эти звуки указали Зверобойю на опасность, которой он подвергался. Ночью ветер значительно усилился, и лодки переплыли пространство вдвое больше того, какое можно было ожидать. Но что было всего хуже, так это то, что они настолько продвинулись к возвышавшейся на восточном берегу горе, что Бумпо мог различить каждую ноту птичьего гомона. Но это еще было не все: третья лодка, пущенная по тому же направлению, приплыла почти к самому мысу, и если она не достигла берега, то только благодаря направлению ветра, или, может быть, потому, что ее оттолкнула человеческая рука. Этим, впрочем, ограничились все опасения охотника, и он не видел других поводов к беспокойству. Замок спокойно возвышался среди озера, и ковчег был там же, где его оставили.

Все внимание Зверобоя, естественно, сосредоточилось на уплывшем челноке. Сделав несколько взмахов веслом, он увидел, что ему не догнать челнока, тем более, что в эту минуту очень некстати подул попутный ветер, и течение быстро уносило лодку к берегу. Сообразив все это, он решил не терять времени в напрасных усилиях и, осмотрев карабин, медленно и осторожно поехал к мысу, оглядываясь по всем направлениям. Могло случиться, что какой-нибудь индеец караулил в засаде, дожидаясь момента, чтобы завладеть лодкой, как только волна прибьет ее к берегу. Целая стая скрытых в этом месте индейских шпионов могла встретить его самого десятками ружейных выстрелов. Предосторожность была необходимее, и Зверобой держал ухо востро.

Не доезжая до берега саженей пятьдесят, он поднялся во весь рост на своей лодке, сделал несколько сильных ударов веслом, чтоб челнок сам собою мог доплыть до земли, и потом, бросив весло, быстро ухватился за карабин. В эту минуту раздался ружейный выстрел, и пуля просвистела над его головой.

Не теряя присутствия духа, молодой охотник сделал вид, что зашатался и вдруг повалился на дно лодки всею тяжестью тела. Послышался пронзительный крик, и на берегу появился индеец, стремительно выбежавший из засады. Этого-то Зверобой и ожидал. Быстро поднявшись на ноги, он прицелился, но враг был в эту минуту до того беззащитен, что молодой охотник невольно медлил роковым ударом. Индеец воспользовался этим и с необыкновенным проворством убежал в кустарник. Лодка между тем пристала к берегу, и Бумпо, бывший от нее лишь в нескольких шагах, мог бы без всяких затруднений достать ее веслом и пуститься в обратный путь. Но не было сомнения, что индеец, оправившийся от испуга, снова зарядит ружье и пошлет вдогонку убийственную пулю. Поэтому молодой охотник выскочил на берег и, углубившись в лес, скрылся за деревом в нескольких шагах от дикаря, который его не замечал. Наблюдая из этой засады все движения своего врага, Зверобой увидел, что индеец действительно заряжает ружье, вбивая в его дуло огромную пулю, обернутую кожей. В эту минуту легко было броситься на него и овладеть им, но Бумпо ужаснулся при одной мысли напасть на беззащитного врага. Индеец между тем зарядил свое ружье и быстро пошел к берегу, не подозревая, что его неприятель скрывается вблизи. В эту минуту Зверобой вышел из засады.

— Сюда, краснокожий, сюда, если только ты ищешь меня. Я еще не опытен в военном деле, но все же не настолько, чтобы среди белого дня оставаться на открытом берегу, где ты мог подстрелить меня, как сову. От тебя теперь зависит помириться со мной или вести войну. Я

белый человек и вовсе не считаю великим подвигом застрелить в лесу какого-нибудь человека без различия цвета кожи.

Зверобой вышел из засады.

Индеец изумился. Он знал немного по-английски и понял почти все, что говорил ему молодой охотник. Не обнаруживая никакого волнения и с доверчивым видом опустив к земле дуло своего ружья, он сделал учтивый и вместе гордый жест с достоинством и спокойствием человека, привыкшего не признавать над собою никакой посторонней власти. Но при всем мнимом хладнокровии глаза его сверкали и ноздри раздувались, как у дикого зверя, у которого под самым носом выхватили добычу.

– Две лодки, – сказал он гортанным голосом своего племени, поднимая два пальца, чтоб не было ошибки, – одна для тебя, одна для меня.

– Нет, минг, нет, этого не может быть. Нет у тебя права ни на одну из этих лодок, и пока я жив, ты не получишь ни одной! Я знаю, что твое племя ведет войну с моим племенем; но отсюда не следует, что два человека, встретившиеся случайно, должны убивать друг друга, как дикие лесные звери. Ступай своей дорогой, а я пойду своей. Если мы встретимся на войне, тогда решим, кому быть или не быть.

– Хорошо! – вскричал индеец. – Мой брат миссионер... много говорит...

– Нет, минг, ты ошибся. Я не из числа моравских братьев и не люблю бродить по лесам и читать проповеди краснокожим. Я только охотник, хотя, нет сомнения, во время этой войны моему карабину придется иметь дело с вашим братом. Буду сражаться, но не имею желания ссориться из-за какой-нибудь лодки.

– Так. Брат мой очень молод. Очень умен. Не воин – добрый краснобай. Главный на советах.

– Ничего ты не угадал, минг, – возразил Зверобой, краснея от досады при этом сарказме индейца. – Я хочу провести всю свою жизнь в лесу и провести мирно. Все молодые люди обязаны идти на войну, если требует этого нужда; но резня – не то, что война. Еще раз приглашаю тебя идти своей дорогой, и, надеюсь, мы расстанемся друзьями.

– Так! У моего брата седина под черными волосами. Старый ум – молодой язык.

Протянув руку, индеец подошел с улыбающимся лицом, выражая доверчивость и дружбу. То же с своей стороны сделал и Бумпо. Они пожали друг другу руки в знак искреннего желания разойтись друзьями.

– Хорошо! Всякий на свое! Моя лодка – мне. Твоя лодка – тебе. Глянь сюда: я на свою лодку, ты на свою, – и будет хорошо.

– Нет, краснокожий, ты ошибаешься, когда думаешь, что одна из этих лодок принадлежит тебе. Пойдем на берег, и ты уверишься в этом собственными глазами.

– Хорошо!

Они оба пошли к берегу, не обнаруживая ни малейшего недоверия друг к другу. Индеец несколько раз забежал даже вперед, показывая своему товарищу, что он не боится повернуться к нему спиной. Когда они вышли на открытое место, индеец протянул руку к лодке Зверобоя и выразительно сказал:

– Не моя лодка – бледнолицего. Эта – краснокожего. Не нужна чужая – давай собственную.

– Ты ошибаешься, краснокожий, жестоко ошибаешься. Эту вторую лодку берег для себя старик Томас Гуттер, и по всем возможным законам, красным или белым, она принадлежит ему, никому другому. Осмотри хорошенько работу: индейцу никогда не сделать такой лодки.

– Хорошо! Брат мой не стар по годам – по уму стар. Индеец не сделает. Работал белый человек.

– Очень рад, что ты убедился, иначе пришлось бы нам поссориться, потому что всякий имеет право требовать то, что принадлежит ему. Но для прекращения всяких споров и недоумений я отпихну эту лодку так, чтобы не достать ее ни тебе, ни мне.

Говоря это, он оттолкнул ее с такой силой, что легкий челнок отскочил от берега футов на сотню и поплыл по течению вперед, не подходя к берегу.

При этом неожиданном движении минг остолбенел и бросил жадный взгляд на другую лодку, в которой сохранились все весла. Но это изменение в лице индейца продолжалось не более минуты, и оно тотчас же снова приняло дружелюбный вид.

– Хорошо! – повторил индеец выразительным тоном. – Молодая голова – старая душа. Умеет кончать споры. Прощай, брат. Твой идет в дом на воде – дом Бобра; индеец уйдет в лагерь сказать вождям – не нашел каное.

Это предложение обрадовало Зверобоя, спешившего увидеться с дочерью Гуттера, и он с удовольствием пожал протянутую руку индейца. На прощанье еще раз оба рассыпались в выражении братских, дружелюбных чувств. Когда красный вернулся в лес со своим ружьем подмышкой, как носят охотники, белый человек пошел к лодке, следя за всеми движениями краснокожего. Впрочем, такая недоверчивость скоро показалась ему совершенно неуместною, и он, опустив свой карабин, думал только о приготовлениях к отплытию; но когда через минуту он случайно повернулся назад, страшная опасность поджидала его. Индеец, скрывшись за кустарником, следил за ним, как кровожадный тигр, и направил уже дуло своего ружья прямо на того, кого он столько раз называл братом.

В эту минуту Зверобой пригодился как нельзя лучше продолжительный опыт охотника. Привыкнув стрелять в оленя на всем скаку, часто даже тогда, когда можно было лишь по догадке судить о положении его тела, он и в эту минуту воспользовался своим обычным методом. Поднять карабин и прицелиться было делом одного мгновения. Он почти наудачу выстрелил в ту часть кустарника, где, по его предположению, должно было находиться туловище коварного индейца. Затем он поднял голову, выпрямился, как сосна, и ожидал последствий выстрела. Минг испустил ужасный крик, стремительно выскочил из кустарника и побежал на открытое пространство, размахивая томагавком. Стоя неподвижно на месте, Зверобой положил карабин на плечо и машинально отыскивал рукою патрон. Индеец между тем подбежал к нему шагов на сорок и бросил в него томагавк, но так не метко и такою слабою рукой, что молодой охотник должен был сделать несколько шагов, чтоб схватить это оружие за рукоятку. В ту же минуту индеец обессилел, зашатался и повалился на землю.

Бросив томагавк в лодку и зарядив опять карабин, Зверобой подошел к индейцу и остановился возле него с печальным видом. Первый раз лежал перед ним умирающий человек, и это был первый, погибавший от его руки. В сердце Зверобоя зародилось болезненное чувство, ослаблявшее ту радость, которую он чувствовал при мысли об избавлении от неминуемой смерти. Индеец еще не умер, хотя пуля пробила его тело навывлет. Он лежал без движения на спине, но его глаза следили за всеми движениями победителя, как у птицы, попавшейся в расставленные сети птицелова. Вероятно, он ожидал рокового удара, который должен предшествовать сдиранию волос с черепа, или, быть может, он думал, что эта варварская операция будет сделана ему до смерти. Зверобой понял эту мысль и поспешил успокоить умирающего.

– Нет, краснокожий, нет, – сказал он. – Тебе нечего меня бояться. Я не торгую человеческими скальпами. Мне нужно только твое ружье, и я готов оказать тебе всевозможные услуги, хотя не могу оставаться долго на этом месте. Ружейные выстрелы не замедлят привлечь сюда кого-нибудь из вашего лагеря.

Затем, отыскав в кустарнике ружье индейца, он отнес его в лодку и воротился опять.

– Теперь мы больше не враги, краснокожий, и ты можешь требовать какой угодно услуги.

– Воды, – прошептал умирающий, – дай бедному индейцу воды!

– У тебя будет вода. Я принесу тебя на край озера, и ты можешь пить сколько угодно. Говорят, будто раненого всегда одолевает жажда.

Взвалив индейца на плечи, Зверобой принес его к озеру и положил у воды таким образом, что тот легко мог утолить свою жажду. Затем он сел возле раненого и положил его голову на свое колено.

– Было бы ложью, брат мой, если бы я стал говорить, что час твой не пришел. Нет, этого я не скажу. Дни твои сочтены. Я думаю, что умирающий чувствует облегчение, когда слышит прощение из уст своего брата. И вот, любезный брат, я прощаю тебя за то, что ты с таким безумным зверством собирался лишить меня жизни. Потому прощаю тебя, что твой замысел, в сущности, не принес мне никакого зла, и потому еще, что я вообще не могу питать вражды к умирающему человеку, кто бы он ни был, краснокожий или белый. К тому же ты человек дикий и поневоле усвоил жестокие привычки.

– Хорошо, – сказал индеец, не понявший, по-видимому, и половины из речи охотника. – Молодая голова, молодое сердце, стариковский ум. Твое имя?

– Зверобоем зовут меня теперь, но делаваы сказали, что после первой войны будет у меня другое имя, более достойное мужчины.

– Зверобой – хорошо для ребенка, но дурно для воина. Лучшее впереди. Не бойся, – индеец с большими усилиями поднял руку и прикоснулся к груди молодого человека. – Верный взгляд; рука – молния; мишени – смерть! Скоро славный воин. Зверобой не годится. Соколиный Глаз – твоё имя. Соколиный Глаз, дай руку!

Зверобой, или Соколиный Глаз, как индеец назвал его в первый раз, – впоследствии это имя за ним утвердилось, – взял руку минга, и тот испустил последний вздох, с удивлением взглянув на незнакомца, обнаружившего столько хладнокровия и ловкости.

Зверобой встал и посадил мертвеца на камень спиной к дереву, приняв меры, чтобы он не свалился или не принял позы, которая считается неприличною у индейцев. Исполнив эту обязанность, он еще раз с печальным видом осмотрел врага и сказал, обращаясь к труп, как будто тот мог его слышать:

– Я не покушался на твою жизнь, краснокожий брат, но ты сам довел меня до того, что я принужден был выстрелить в тебя. Вот и кончилось мое первое сражение с моим братом, и это, вероятно, не последняя битва. До сих пор я сражался с волками, медведями, барсами, оленями, дикими кошками, а вот теперь начинаю биться с краснокожими. Ах, если бы Чингачгук узнал, что я не позорю делаваы и воспитание, которое они мне дали!

– Соколиный Глаз – твое имя!

Его размышления вдруг были прерваны внезапным появлением на берегу озера, саженях в пятидесяти, другого индейца. Краснокожий, привлеченный ружейными выстрелами, вышел из леса почти без всяких предосторожностей, и Зверобой увидел его первым. Заметив в свою очередь молодого охотника, индеец испустил пронзительный крик, на который немедленно с различных сторон отозвалась дюжина громких голосов. Медлить было нечего. Зверобой сел в лодку и начал грести изо всех сил.

Отплыв от берега на расстояние, не доступное ружейной пуле, Бумпо бросил весла и стал наблюдать сцену, которая должна была произойти на берегу. Труп индейца, прислоненный к дереву, сидел неподвижно на камне. Индеец, появившийся на берегу, углубился опять в лес, и вокруг господствовало глубокое молчание. Но вдруг толпы индейцев выскочили из лесу, прибежали на мыс и, увидев труп своего товарища, наполнили воздух яростными криками. Затем, по мере приближения к трупу, раздались радостные восклицания, вызванные уверенностью, что победитель не успел сорвать волос с черепа своей жертвы, без чего победа никогда не считается полной. Никто из них, однако, не думал стрелять в молодого охотника, так как было ясно, что выстрелы не достигнут цели: американские индейцы, как пантеры, редко нападают на врагов, если не убеждены в возможности победы.

Зверобой решил ехать к замку, но прежде всего ему следовало поймать остальные две лодки, пущенные по озеру. Первую догнал он без труда и взял на буксир, тогда как другая, сверх всякого ожидания, подплыла довольно близко к берегу, и, что всего удивительнее, ее движение не совсем сообразовалось с направлением ветра. Загадка скоро выяснилась. Зверобой подъехал ближе и увидел голую человеческую руку, действовавшую медленно, но верно вместо весла. Оказалось, что рука принадлежала индейцу, лежавшему в лодке навзничь и забравшемуся туда в то самое время, как Зверобой был занят с его товарищем на берегу. Уверенный, что у индейца не было никакого оружия, Бумпо не поднял даже карабина и подъехал на самое близкое расстояние. Заслышав шум весел другой лодки, индеец стремительно поднялся на ноги и испустил пронзительный крик.

– Ну, любезный, ты, я думаю, наигрался довольно в этой лодке, – сказал Зверобой спокойным тоном. – Советую тебе, если ты благоразумный человек, ее оставить. Вплывь пришел, всплавь и убирайся. Крови мне твоей не нужно, хотя другие на моем месте не поцеремонились

бы с твоим черепом. Слышишь ли, краснокожий? Убирайся подобиру-поздорову, не то дойдет дело до расправы.

Индеец не понял ни одного слова, но жесты Зверобоя, сопровождаемые выразительным взглядом, объяснили ему смысл речи. Быть может, вид карабина под рукой у белого человека также ускорил его решение. Он пригнулся, как тигр, готовый пуститься в бегство, испустил громкий крик, и во мгновение ока его нагое тело исчезло под водою. Затем он всплыл на поверхность уже в нескольких саженьях от лодки, и взгляд, брошенный им назад, убедительно доказывал, насколько он боялся огнестрельного оружия белого человека. Но Зверобой вовсе не имел враждебных намерений. Он спокойно привязал вырученную лодку и удалился от берега.

Когда индеец доплыл до суши и стряхнул с себя воду наподобие легавой собаки, его опасный враг уже был далеко по дороге к замку старика Тома.

Солнце во всем блеске лило свои лучи на эту прекрасную гладь воды, которой европейцы в то время еще не дали никакого названия. Когда Зверобой подъехал к замку, он увидел, что Юдифь и Гэтти были на платформе, с величайшим нетерпением ожидая его прибытия.

Глава VIII

Сестры стояли и молчали, пока Зверобой с беспокойным и печальным лицом взбирался на площадку. Наконец Юдифь, делая над собою отчаянное усилие, вскричала:

– Отец?

– С ним случилось несчастье, и я не буду скрывать ничего, – отвечал Бумпо просто-душно. – Старик Гуттер и Генрих Марч в плену у мингов, и неизвестно, чем все это кончится. Лодки я выручил все, и это может служить для нас некоторым успокоением, потому что красноекожие должны пуститься вплавь или построить паромы, чтобы добраться до нас. На закате солнца будет с нами Чингачгук, если только мне удастся его привезти. Мы с ним соединенными силами будем защищать ковчег и замок до тех пор, пока не приедут сюда крепостные офицеры с отрядом солдат, которым правительство поручит разогнать эти шайки.

– Офицеры! – вскричала Юдифь с живейшим волнением, окрасившим ее щеки. – Кто думает об офицерах? Мы и одни можем защищать замок. Расскажите нам об отце и о бедном Генрихе Марче.

Бумпо начал подробный рассказ о всех приключениях прошлой ночи, не утаивая ничего. Сестры слушали с глубоким вниманием, но не обнаруживали чрезмерной растерянности, которая неминуемо охватила бы женщин, не привыкших к случайностям и опасностям пограничной жизни. Юдифь, казалось, была встревожена гораздо больше своей сестры, и это чрезвычайно изумляло Зверобоя. Потом обе сестры машинально принялись за приготовление завтрака, которым воспользовался один только Зверобой, усвоивший солдатскую способность есть и пить во всякое время, несмотря ни на какие тревоги. Юдифь и Гэтти молча сидели за столом, не притрагиваясь к приготовленным блюдам. Наконец Юдифь прервала молчание:

– Отец мой очень любит эту рыбу. Такой лососяны, по его словам, нет в море.

– Ваш отец, как видно, хорошо знаком с морем, – отвечал Бумпо, бросая на Юдифь вопросительный взгляд. – Скорый Гэрри говорил мне, что он был когда-то моряком.

– Мне Генрих Марч ничего не рассказывал из биографии моего отца, и я решительно ничего не знаю. Впрочем, и я думаю, что он был моряком. Если бы вскрыть вот этот сундук, мы узнали бы, вероятно, всю историю нашей семьи. Но отпереть его не так-то легко!

Зверобой впервые обратил свое внимание на этот замечательный сундук. Краска на нем совершенно полиняла, – было ясно, что обращались с ним без всякой церемонии, – но материал и работа были превосходны. Молодой охотник не видел еще ничего подобного. Сундук был сделан из крепкого черного дерева, и железные полосы покрывали его вдоль и поперек. Он был заперт тремя огромными замками, и его стальные петли были отделаны с таким искусством, которое могло быть доступным только лучшим лондонским ремесленникам. Сундук был очень велик, и когда Зверобой попытался его приподнять, оказалось, что его тяжесть соответствовала величине.

– Вы, Юдифь, никогда не видели, что лежит в нем? – спросил Бумпо.

– Никогда. Мой отец никогда не отпирал его в моем присутствии, и я не думаю, чтобы он вообще при ком-нибудь поднимал его крышку.

– Ты ошибаешься, Юдифь, – спокойно сказала Гэтти. – Я видела, как батюшка открывал этот сундук.

– Когда же, моя милая?

– Очень часто, и всякий раз, как тебя здесь не было. Батюшка не заботился о моем присутствии. Я видела, что он делал, и слышала все, что он говорил.

– Что же он делал? Что он говорил?

– Этого я не могу сказать, Юдифь, – отвечала Гэтти, понизив голос, но решительным тоном. – Тайны моего отца не принадлежат мне.

– Его тайны! Час от часу не легче. Что вы скажете на это, Зверобой? Мой отец доверяет свои секреты Гэтти и скрывает их от меня!

– Вероятно, у него есть на это свои причины, Юдифь, и тебе их не узнать, – сказала Гэтти тем же решительным тоном. – Батюшки здесь нет, и я не скажу больше ни слова.

Юдифь и Зверобой были очень изумлены. В продолжение нескольких минут старшая сестра имела огорченный вид. Мало-помалу, однако, она оправилась и, обращаясь к молодому охотнику, продолжала:

– Мы слышали ружейные выстрелы под горами на восточной стороне, и эхо повторило их с такою скоростью, что они, по всей вероятности, должны были произойти на самом берегу или, может быть, в нескольких саженях от берега.

– Да, Юдифь, вы не ошиблись. Выстрелы были.

– Вы сражались с дикими один, без всякой помощи, Зверобой?

– Да, Юдифь, я сражался... и это было первый раз в моей жизни. Я убил своего врага, был свидетелем его последних минут, и грустные чувства овладели мною. Что же делать? Все это имеет мало значения, но если вечером сегодня нам удастся привезти сюда Чингачгука, тогда, вероятно, мы увидим что-нибудь похожее на войну, если минги задумают овладеть замком, ковчегом или вами.

– Кто этот Чингачгук? Откуда и зачем он идет?

– В его жилах течет кровь могикан, и он принадлежит к роду великих вождей. Ункас, отец его, – знаменитый воин и судья своего племени. Даже сам Таменунд уважает Чингачгука, хотя он еще слишком молод и не может быть предводителем на войне. Но племя могикан разбредлось, рассеялось, и предводитель их не имеет почти никакого значения. Чингачгук живет между делаварами. Теперь, когда началась война, Чингачгук и я назначили друг другу свидание нынешним вечером возле утеса на краю озера. Мы должны условиться о подробностях нашей первой экспедиции против мингов. Но почему мы проходим именно через озеро, это – наш секрет, не имеющий для вас ни малейшей важности. Можете, впрочем, догадываться, что молодые рассудительные люди, собираясь на войну, не делают ничего без особых целей.

– Делавар, конечно, не может иметь враждебных намерений против нас, – сказала Юдифь после минутного колебания, – и мы уверены в вашей дружбе.

– Измена – самый гнусный порок в моих глазах, и никто не осмелится обвинять меня в измене.

– Нет, нет, Зверобой, никто вас не подозревает, – с живостью возразила Юдифь. – Ваше честное лицо – большой залог верности, чем тысяча человек. Если бы все люди имели ваш правдивый язык и обещали только то, что могут исполнить, тогда не было бы вероломства на земле, и свет не имел бы нужды в блестящих мундирах...

Юдифь говорила с энергией. Когда она замолчала, глаза ее загорелись необыкновенным блеском. Зверобой ясно видел волнение девушки, но ничем не выдал себя. Юдифь между тем постепенно успокоилась и через несколько минут хладнокровно продолжала разговор:

– Я не имею никакого права допытываться секретов ваших или вашего друга, – сказала она. – Я готова верить всему, что вы говорите. В самом деле, если в эту трудную минуту будет у нас еще союзник, то мы легко можем отстоять замок и, вероятно, скоро выручим отца из плена, предложив какой-нибудь выкуп.

– Вы думаете? – сказал Зверобой, с сомнением покачивая головой. У него в уме были волосы несчастных пленников и вырученные за них деньги.

Юдифь поняла его мысль.

– Я вас понимаю очень хорошо, но, к счастью, ваши беспокойства не имеют основания. Индейцы никогда не скальпируют пленника, если он не ранен, а доставляют его правительству живым. Исключения редки, и я почти не боюсь за жизнь моего отца. Совсем другое дело, если ночью исподтишка нападут они на замок: тогда нас изрежут в куски. А пленника индеец щадит,

по крайней мере, до той поры, пока не решит по каким-нибудь особым причинам погубить его у столба пыток.

– Знаете ли вы, Юдифь, для чего отец ваш и Генрих Марч нападали на индейцев?

– Очень хорошо знаю; но что прикажете делать, когда варварские обычаи узаконивают эти бесчеловечные поступки? Вся кровь моя кипит при мысли о том, на какое зло способен цивилизованный человек. Что касается индейцев – они проникнуты уважением к смельчакам, которые собирались разгромить их же самих. Если им будет известно, с какою целью пленники ворвались в их лагерь, они, как я думаю, воздадут им почести, а не обрекут на казнь.

– Может быть, Юдифь, но едва ли эти почести будут продолжительны. Чувство уважения обыкновенно скоро сменяется жадной мщеньем, и тогда индеец не знает пощады. Во всяком случае, мы с Чингачгуком должны подумать, что можно сделать для освобождения вашего отца и Генриха Марча. Минги, без сомнения, пробудут еще несколько дней в окрестностях этого озера и постараются извлечь возможную пользу из своего первого успеха.

– Вы думаете, что можно вполне положиться на этого делавара?

– Так же, как на меня. Ведь вы сказали, Юдифь, что не подозреваете меня?

– Вас, Зверобой, вас?! Да скорее я усомнюсь в родном брате, чем в таком честном и благородном человеке, как вы, хотя прошел один только день, как я познакомилась с вами. Впрочем, ваше имя было мне известно. Крепостные офицеры часто говорят об уроках, которые вы им давали на охоте, и все вообще прославляют вашу честность.

– Разве они говорят об этом? – спросил, улыбаясь, Бумпо. – А любопытно знать, что они рассказывают о самих себе? Ведь оружие, кажется, их ремесло, между тем, уверяю вас, некоторые совсем не умеют владеть им.

– Этого, конечно, нельзя сказать о вашем приятеле Чингачгук? Что значит это имя на нашем языке?

– Великий Змей. Так его называли за природный ум и необыкновенную сметливость. Его настоящее имя – Ункас, и все члены его семейства называются Ункасами до тех пор, пока не получают новых имен сообразно своим талантам.

– При таком уме ваш друг, без сомнения, будет для нас очень полезен, если не помешают ему собственные дела, для которых он прибыл в эти места.

– Впрочем, я не вижу большой беды открыть вам его секрет, тем более, что вы и ваша сестрица можете при случае помочь нам. Дело, видите ли, вот какое. Чингачгук – молодой индеец, весьма недурной собой, и все девушки его племени посматривают на него умильными глазами. Ну, так вот, у одного вождя есть дочка, по имени Вахта, прекрасная молодая девушка, предмет мечтаний и зависти всех холостых молодых мужчин. Чингачгук полюбил Вахту. Вахта полюбила Чингачгука. Оба семейства в ладу между собою, и в таких случаях дело, обыкновенно, оканчивается свадьбой. Но случилось так, что Чингачгук нажил себе врагов между своими соперниками, и один из них, некто Йоконмон или по прозвищу Колючка, ухитрился, как мы догадываемся, расстроить все это дело. Месяца за два перед этим Вахта отправилась со своими родителями на рыбную ловлю к западным берегам, где, как говорят, водится отличная рыба. Когда отец с матерью были заняты ловлей, дочь их вдруг исчезла. Целые недели не было о ней никаких известий, но дней десять тому назад курьер, проезжавший через страну делаваров, известил нас, что Вахта находится теперь у наших неприятелей и они хотят ее выдать за молодого минга. Мы догадываемся, хотя и не уверены, что во всем этом участвует Колючка. Тот же курьер сообщил, что минги намерены месяца на два отправиться на охоту в леса возле этого озера и потом вернуться в Канаду. Он прибавил, что если нам удастся напасть на их след, то, быть может, мы легко отыщем средство выручить похищенную девушку и возвратить ее в родительский вигвам.

– Но какое все это имеет отношение к вам, Зверобой? – спросила Юдифь с некоторым беспокойством.

– Все, что касается моего друга, относится в одинаковой мере и ко мне, Юдифь. Я здесь главный помощник Чингачгука, и если с моей помощью его возлюбленная будет отыскана, я обрадуюсь этому так же, как и он сам.

– А где живет ваша возлюбленная, Зверобой?

– В лесу, Юдифь. Я вижу ее в каждом листке после дождя, в каплях росы, покрывающих траву, в легких облаках, волнующихся на лучезарном небе, в чистых прозрачных водах, утоляющих мою жажду, – словом, я вижу ее во всех богатых дарах природы.

– Это значит, Зверобой, что вы никогда не любили женщины и предпочитаете ей лес, в котором живете?

– Ваша правда, Юдифь. Я не влюблен и надеюсь сохранить свое сердце свободным, по крайней мере, до окончания войны. Дела Чингачгука поглощают теперь всю мою деятельность и мысли.

– Счастлива та женщина, которая завладеет вашим сердцем, Зверобой, – сердцем чистым, благородным, откровенным; и многие будут завидовать счастью этой женщины.

На этом закончился их разговор. Так как было еще довольно рано, то Бумпо начал осматривать оборонительные средства замка и делать по возможности некоторые добавочные приготовления, требуемые обстоятельствами. Расстояние между замком и ближайшей частью земли спасало от пуль с берега, и Юдифь объявила сама, что с этой стороны бояться нечего. Но неприятель мог подплыть исподтишка, осадить замок, зажечь или употребить какую-нибудь другую хитрость, на которую всегда способен изворотливый индеец. Против нечаянной атаки старик Гуттер принял вполне надежные меры, загореться могла только кровля этого здания. Притом пожар легко было потушить, так как воду можно было доставать насосами. Все эти подробности объясняла Зверобой Юдифь, знакомая, по-видимому, в совершенстве со всеми планами и оборонительными средствами отца. Оказалось, что днем почти нечего было бояться, так как ковчег и все лодки были под руками и на всем озере не было никакого другого судна. Но Зверобой знал, что не трудно в этих местах связать паром или плот из досок и бревен, разбросанных по берегам, и можно было рассчитывать, что дикари немедленно возмутся за это дело, если у них есть намерение осадить замок. Смерть одного из их соплеменников могла поощрить их в этом намерении, хотя, с другой стороны, она же могла внушить им осторожность. Во всяком случае, думал Зверобой, следующая ночь так или иначе должна будет выяснить их планы и расчеты. Тем сильнее желал Бумпо увидеться и действовать заодно со своим другом могикианином и с возрастающим нетерпением ожидал заката солнца.

Наконец наступил час, когда нужно было готовиться к свиданию с Чингачгуком. Когда Бумпо сообщил свой план обеим сестрам, все трое начали немедленно приводить его в исполнение. Гэтти взшла на ковчег и, связав вместе две лодки, спустилась в одну из них, взяла весла и провела лодки в ворота окружающего дом частокола. Потом она под самым зданием прикрепила их к цепям, верхние концы которых шли внутрь замка. Этот частокол, состоящий из древесных пней, образовал род ограды, препятствовавшей неприятелю прокрасться на своей лодке под крепость. Лодки таким образом были совершенно скрыты, и неприятель не мог до них добраться иначе, как через дверь, которая, обыкновенно, была крепко заперта. Юдифь сама вошла в эту ограду на третьей лодке, оставив внутри замка Зверобоя, который доканчивал все необходимые приготовления. Ему нужно было закрыть все окна и отверстия в замке. Эта операция, требовавшая много времени, кончилась успешно.

Так как все было прочно и массивно, и все задвижки и затворы в доме были сделаны из массивных брусев, то запертый дом представлял настоящую крепость, в которую можно было вломиться не иначе, как после двух часов трудной работы, и только в том случае, если бы осаждающие были снабжены хорошими орудиями для разрушения массивной постройки.

Все эти предосторожности старик Гуттер принял после того, как его два раза обокрали пограничные белые во время его частых отлучек из дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.